

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 1 | 2021

♦ ♦ ♦

выпуск

Современное право: проблемы и тенденции

Modern Law: Problems and Tendencies

.....
Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Сочи
.....

Тематические выпуски «СВШ»

Редакция ведет прием авторских материалов в специальные выпуски: «Прикладная и фундаментальная экономика», «Современное право: проблемы и тенденции», «Социальные и гуманитарные науки», «Современный конституционализм: теория и практика».

Максимальный срок рассмотрения авторских текстовых оригиналов — 30 календарных дней. Статьи, не требующие литературной и редакторской обработки, проходят рецензирование и размещаются на бесплатной основе.

Подробная информация доступна по QR-коду или на сайте <https://sputnik-nauki.ru>.

Редакционный совет

БОЙКО Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления — филиала ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации» (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор юридических наук, профессор (сопредседатель редакционного совета)

• • •

БОНДАРЬ Николай Семенович,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020),
главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой
муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(сопредседатель редакционного совета)

• • •

АРЕФИНКИНА Екатерина Геральдовна,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института
(филиала) Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

• • •

ГУНИНА Елена Николаевна,
доцент кафедры управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета, кандидат экономических наук

• • •

ИОНОВА Зинаида Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат исторических наук

• • •

ЛАЗАРЕВ Владимир Александрович,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Юж-
ного федерального университета, доктор филологических наук

• • •

МЕДВЕДСКАЯ Татьяна Константиновна,
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Донского государственного технического университета,
кандидат экономических наук

• • •

НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич,
заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор

• • •

РАТЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ЛУЧШИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ

Бондарь Н. С. Георгиева Т. П. От практики муниципальной демократии — к научной школе муниципального конституционализма 6

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Бойко А. И., Сашенко А. А. Прошлое и будущее отечественной уголовно-правовой доктрины 18

Ратьков А. Н. Место прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства 40

Эмексузян Р. Р. Принцип состязательности на досудебной стадии уголовного процесса: проблемные аспекты понимания и реализации 46

Арефинкина Е. Г. К вопросу об институте индивидуализации назначения наказания в российском законодательстве и специфике его реализации 52

Гарькуша А. Г. Научный руководитель: Арефинкина Е. Г.
Смертная казнь в системе уголовного наказания РФ 58

Козина Т. С. Научный руководитель: Арефинкина Е. Г.
Социокультурный и исторический аспекты исследования феномена женской преступности 66

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Яковлев-Чернышев В. А. Научный руководитель: Андреев Г. В.
Проблемы и перспективы федерализма в современной России 75

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ:

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Вы держите в руках пилотный номер нового рецензируемого межвузовского периодического научного издания «Спутник высшей школы». Приступая к реализации этого издательского проекта, мы преследуем цель создать универсальную медиаплощадку в сфере отечественной вузовской науки. Ее новизна заключается в характере формирования контента, в формате его подачи и в способе организации авторских материалов.

Журнал «Спутник высшей школы» ориентирован в первую очередь на *вузовскую* научную среду, в том числе на тех, кто делает первые шаги в плане научного поиска, — студентов, соискателей, аспирантов и магистрантов. На наш взгляд, именно на начальном этапе — этапе погружения в предметную область — будущему ученому требуется организационная и методическая поддержка, а также помощь опытного редактора. Поэтому основными принципами формирования редакционного портфеля в «Спутнике высшей школы» являются бесплатность публикаций, строгое их рецензирование (для борьбы с псевдонаучностью и графоманством) и тщательная дифференциация по тематике, уровню исследовательской активности и пр.

Думаю, многие согласятся с тем очевидным фактом, что качественный рост в сфере науки возможен лишь при интенсивном обмене опытом, конструктивной полемике и прямом диалоге с сильным оппонентом. Только таким образом можно расширить пределы рационального познания, развить аналитические способности, закалить стойкость в научных дискуссиях. По этой причине состав авторов «Спутника высшей школы» не ограничивается представителями исключительно университетских научных школ и вузовских исследовательских центров. На страницах журнальных выпусков, рядом с выступлениями признанных авторитетов — лидеров региональных научных направлений, подлинного авангарда академической науки России, — будут помещаться работы молодых авторов, а также публикации независимых исследователей.

Не менее оригинальным является и жанровое своеобразие принимаемых к публикации работ. Наряду с традиционным форматом научной статьи, редакция «Спутника высшей школы» с готовностью принимает к публикации проблемные выступления (включая общенаучную публицистику), отзывы и рецензии на научные проекты (книги, статьи, результаты исследований), библиографические обзоры, эссе, критические выступления по актуальным вопросам, волнующим отечественное научное сообщество и т. д.

Обязательным условием размещения публикаций на страницах журнала является представление результатов собственного исследования, реализованного в рамках научного подхода, а также научная новизна, содержательность и ценность заложенных в основу статьи идей.

Приглашаем к сотрудничеству авторов и рецензентов!

На все вопросы подробно и оперативно ответим по редакционному электронному адресу e-mail: sputnik-nauki@yandex.ru.

Дмитрий Нефёдов, главный редактор

УДК 342.7

© 2021

Бондарь Н. С.,

судья Конституционного Суда РФ (2000–2020),
главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой
муниципального права и природоохранного законодательства,
Южный федеральный университет, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

Георгиева Т. П.,

заместитель председателя Ростовской-на-Дону городской Думы,
доцент кафедры муниципального права и природоохранного
законодательства ЮФУ, кандидат юридических наук

ОТ ПРАКТИКИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ — К НАУЧНОЙ ШКОЛЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Статья посвящена месту и роли Ростовской-на-Дону школы конституционного и муниципального права в отечественном правоведении. Авторы анализируют роль и место муниципального права в российской правовой системе, подчеркивая его комплексную, межотраслевую природу; обосновывают методологические подходы к формированию на основе единства теории и практики современной юриспруденции таких институтов, как региональный и муниципальный, экономический и правоохранительный конституционализм. На этой основе авторами определяются перспективные формы сотрудничества государственной и муниципальной властей для формирования современного муниципального сегмента в региональном законодательстве, ориентированном на усиление системности правового регулирования, формирование единой правовой политики региона.

Ключевые слова: Ростовская школа муниципального конституционализма; муниципальное право; межотраслевой подход; местное самоуправление; конституционализм; публичная власть; региональное законодательство.

Сегодня нет необходимости доказывать, что муниципальное право, как относительно молодая отрасль, заняла надлежащее место в российской правовой системе, а наука муниципального права вместе с одноименной учебной дисциплиной представляют собой важные доктринальные, профессионально-образовательные и практико-прикладные характеристики отечественной юриспруденции.

При всей важности местного самоуправления для развития единой системы российской государственности, а муниципального права — для правовой системы России, муниципальное право и его материальная основа (самоуправленчес-

кие отношения) проявляют свое значение в нормативно-правовом, правоприменительном плане прежде всего на местном, муниципально-правовом, а также региональном уровнях. В этом проявляется внутренняя противоречивость явлений муниципально-правовой действительности: с одной стороны, очевидным является тот факт, что вопросы местного самоуправления, осуществления муниципальной власти носят ярко выраженный общегосударственный, конституционно значимый характер, что нашло свое подтверждение, в том числе, в поправках к Конституции РФ, которые существенно усиливают общегосударственный акцент в нормативно-правовом содержании институтов местного самоуправления (имеется в виду не только новая редакция ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, но и другие поправки¹); с другой — богатство конкретного содержания, особенности реализации институтов муниципального права наиболее полно проявляются на региональном и местном (муниципальном) уровнях.

Это позволяет говорить о формировании в современных условиях конституционного развития Российской Федерации как единого федеративного государства, основанного, в том числе, на единстве системы публичной власти, иерархически взаимосвязанных и одновременно относительно самостоятельных институтов *регионального (государственного) и муниципального конституционализма*.

Муниципальный конституционализм является в этом плане не просто неким «низовым» уровнем конституционализма, а подлинным фундаментом, основой публично-властных начал российской государственности, с помощью которых обеспечивается наиболее близкая, непосредственная связь населения с публичной властью. Очевидно, что эффективность действия Конституции с ее поправками 2020 года, последовательность реализации соответствующих положений во многом зависят от того, насколько последовательно будет выстраиваться вертикальная система конституционализма, включающая федеральный, региональный, муниципальный уровни.

Доктринальное обоснование концепции муниципального конституционализма — важная задача отечественного государственного строительства. В этом плане закономерной является не только (и не столько!) «столично-федеральная», но прежде всего региональная «прописка» научных школ, которые были бы сориентированы на разработку проблем муниципального и регионального конституционализма с учетом специфики отдельных регионов и их государственно-правового обустройства на огромных пространствах нашей страны.

Одним из таких регионов, отличающихся уникальностью исторических традиций, в том числе в сфере местного самоуправления, многоконфессиональностью, национально-этническим составом населения и т.п., является Северо-Кавказский регион, к которому относится и Ростовская область.

В ряду других достижений, социально-экономических, административных характеристик важно учитывать, что Ростов-на-Дону является также признанным центром университетской науки и образования, в том числе в области

¹ Не ставя перед собой задачу специального анализа данного вопроса, представляется уместным, по крайней мере попутно, обратить внимание на новую редакцию таких статей Конституции, как ч. 1, ч. 1.1, ч. 3 ст. 131, ст. 133, прямо или косвенно подтверждающих общегосударственное значение муниципальной власти в лице системы местного самоуправления.

юриспруденции. Ростовская школа конституционного и муниципального права занимает свое достойное место в региональной наукофере. История Школы уходит своими корнями в вековые традиции формирования институтов публичной власти на Дону.

**От практики «казачьей демократии»
к научной доктрине «многоуровневого»
(государственно-муниципального) конституционализма**

Жители Дона, «донцы» — как этноним — всегда обладали набором особенных черт, рельефно выделявших ментальную харизму этого свободолюбивого народа в океане многообразия наций и народностей, издревле населявших территорию России.

Богатая история, дух казачьей вольницы, старинные формы «самостийности» жителей Области Войска Донского — региона, который во все времена играл (и играет) особую роль в развитии российской государственности, послужили благодатной почвой для быстрого развития здесь самоуправленческих институтов гражданского общества.

Уместно вспомнить, например, что одно из первых упоминаний в исторических документах Войскового Круга как института самоуправления относится к далекому 1554 году, что подтверждает глубокую, неразрывную связь в российской среде идей самоуправления и державности¹. Приходится только сожалеть, что современная правовая наука оказалась во многом в долгу перед реальной практикой в плане исследований столь уникальных явлений и условий социальной жизни, какими с давних пор отличался Донской край. А ведь принципы независимости и самоорганизации оказывали существенное влияние на все стороны бытия местного населения — не только на реализацию, но и на объем, содержание прав и свобод граждан и в конечном счете на развитие основополагающих государственных институтов правовой демократии.

В особой степени это проявилось на новом этапе конституционного развития России, когда Ростовская область обрела (наряду с другими областями, краями) статус территориального субъекта Российской Федерации со своей региональной системой законодательства, областной избирательной системой, системой органов государственной и муниципальной власти.

Уникальное значение в соответствующих государственно-правовых преобразованиях регионов, несомненно, принадлежало местному самоуправлению.

Статус местного самоуправления изначально, в соответствии с Конституцией РФ 1993 года (ч. 2 ст. 3, ст. 12), а не только на основе конституционных поправок 2020 года, определялся как важное звено единой системы российской государственности. Однако в силу самой природы сущностных характеристик местного самоуправления его успешное развитие возможно только (и исключительно!) на основе последовательного учета исторических и иных местных традиций (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ). Именно поэтому особое значение в му-

¹ Савельев Е. П. Войсковой круг как народоправие на Дону. Новочеркасск: Донская типография, 1913.

ниципальном праве приобретают научные исследования региональных и муниципальных проблем. Наиболее последовательно это проявляется в достижениях научных юридических школ, получающих прописку в конкретных регионах, включая Ростовскую школу — региональную по своей географической привязке, но надрегиональную и даже общероссийскую по своему статусу и научному авторитету.

В начале пути

Сложившаяся в течение двух последних десятилетий Ростовская школа конституционного и муниципального права сформировалась как закономерное продолжение того научного поиска, вектор которого задали исследования представителей отечественной доктрины местного самоуправления и регионального развития, трудившиеся на Дону в разное время.

Особое место в этом ряду принадлежит *Л. А. Велихову*, который сегодня известен как выдающийся ученый, стоявший у истоков муниципальной теории в России. Но, как это нередко бывает, за скобками остались страницы личной биографии ученого, в частности тот факт, что основные достижения, вклад *Л. А. Велихова* в становление и развитие отечественной муниципальной теории приходятся именно на период, когда он был профессором Ростовского госуниверситета (1923–1929 гг.).

Еще одна выдающаяся личность, символизирующая связь времен и эпох в теории и практике муниципального строительства в России, — это выпускник механико-математического факультета Ростовского госуниверситета *А. И. Солженицын*. Его идеи о земском (местном) самоуправлении, изложенные, в частности, в известном и, как представляется, одном из лучших, не политизированном (в отличие от некоторых других его работ) произведении «Как нам обустроить Россию?» (1991), имеют непреходящее, ещё не до конца осмысленное нами значение. Уже эти имена, составляющие предысторию научной школы конституционного и муниципального права на Дону, — подтверждение того, что случайностей в истории, а тем более в сфере науки, не бывает.

Изначально, с момента формирования, одной из важных особенностей Ростовской школы конституционного и муниципального права стало тесное, органичное переплетение лежащих в ее основе концептуальных, методологических, междотраслевых подходов, свойственных собственно муниципальному праву, с общими проблемами современного конституционализма, имея в виду осмысление философских, социокультурных, нравственно-этических, политико-правовых начал организации публичной, в том числе муниципальной, власти в единой системе российской конституционной государственности. И это не случайно, если иметь в виду, что истоки формирования Ростовской школы конституционного и муниципального права находились в общем русле развития государствоведческой специализации и развития конституционно-правовой школы Ростовского государственного университета, руководимой видным советским и российским конституционалистом *д. ю. н., профессором В. А. Ржевским*, учениками которого

являются многие из представителей теперь уже старшего поколения ростовских конституционалистов¹.

Именно эти подходы позволили в дальнейшем предложить в рамках Ростовской школы государственной юриспруденции комплексное, междисциплинарное понимание конституционализма, которое, условно говоря, по «отраслевой горизонтали» может быть представлено, наряду с классическим, также экономическим конституционализмом (в его основе — конституционная цивилистика)², правоохранным конституционализмом (включает уголовно- и административно-правоохранный конституционализм), экологическим конституционализмом и т.п. В этом же русле, но в рамках «публично-властной вертикали», обоснованным представляется выделение, как уже отмечалось:

- а) федерального конституционализма;
- б) регионального конституционализма;
- в) муниципального конституционализма.

В рамках данных подходов речь идет не только о доктринальном обосновании, но и о практической реализации соответствующих идей, наполнении ими учебного процесса (что и позволяет нам говорить о формировании Ростовской школы муниципального конституционализма).

Региональный конституционализм как характерная особенность российского федерализма

Что касается, в частности, *регионального конституционализма*, то для Ростовской научной школы несомненную актуальность имели проблемы формирования и развития конституционного статуса Ростовской области, в частности в связи с переходом от административно-территориального к государственно-территориальному статусу региона как субъекта Российской Федерации.

При кажущейся очевидности даже сегодня не всегда учитывается тот факт, что успешное развитие российского федерализма зависит не только от федерального центра, но во многом и от самих субъектов Федерации. Тем более важно учитывать особенности соответствующих процессов в отдельных регионах, отличающихся национально-этнической, религиозно-конфессиональной, социально-демографической спецификой, историческими особенностями. Причем это касается как региональной системы органов публичной власти, так и собственной региональной правовой системы.

При всей дискуссионности данного вопроса в доктринальном плане несомненным представляется наличие прочных конституционных основ для развития правовых систем субъектов РФ, развивающихся на основе единой федеральной системы права, что определяется: во-первых, реализацией конституционных полномочий по участию субъектов Российской Федерации в решении вопросов, име-

---

¹ См. об этом: Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации. Мат-лы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 2006. С. 8–16.

² См. об этом: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России. Очерки теории и практики. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 7. М.: Норма, 2017.

ющих общенациональное значение (ст. 71); во-вторых, осуществлением законодательных полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72) и, в-третьих, пока наименее «освоенными» регионами законодательными полномочиями в рамках самостоятельной (но не «остаточной») компетенции субъектов Российской Федерации (ст. 73).

С учетом этих конституционных ориентиров развитие правовой системы Ростовской области проходит в тесной увязке с политическими, социальными, хозяйственно-экономическими задачами, которые решались этим регионом на каждом конкретном этапе его исторического развития. Так, если Донской парламент первых двух созывов основное внимание уделял формированию политико-правовой базы утверждения области как субъекта Российской Федерации¹, то в дальнейшем *на первое место выходит социальное региональное законодательство*, что вполне соответствует требованиям Конституции РФ, в особенности ее статье 72 вместе с поправками 2020 года. Думается, не менее активным должен быть региональный законодатель и в сфере регулирования экономических отношений; хотя бы попутно отметим в связи с этим, что положение Конституции РФ о том, что гражданское законодательство относится к ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71), Конституционный Суд РФ истолковывает, таким образом, в нормативном единстве с другими положениями Конституции, включая п. «ж» той же ст. 71, которая относит к ведению РФ установление лишь *правовых основ* единого рынка (*выделено нами — Авт.*); поэтому субъекты Российской Федерации объективно не могут не включаться в регулирование соответствующих отношений; линия на развитие регионального рыночного законодательства заслуживает активного продолжения и доктринального обоснования², что подтверждается и решениями КС РФ³.

Важная задача регионального законодателя заключается также в кодификации, усилении системности правового регулирования в субъектах РФ. Это может быть связано, в частности, с более активной разработкой *интегрированных по отраслевой принадлежности законодательных актов субъектов РФ*. Речь идет, прежде всего, о возможности принятия региональных нормативных правовых актов в форме кодексов. В некоторых субъектах Российской Федерации такая форма законотворческой деятельности применяется достаточно активно (например в Волгоградской области это Градостроительный и Социальный кодексы, Кодекс об административной ответственности; в Санкт-Петербурге — Социальный ко-

¹ См. об этом: Бондарь Н. С. Ростовская область: конституционная модель организации и политическая практика развития // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 1997. — № 2 (19); Бондарь Н. С. Ростовская область: обретение нового конституционного статуса // История парламентаризма на Дону. Из прошлого в современность. Мат-лы научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2019. С. 16–25.

² См.: Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области). Серия «Библиотека судебного конституционализма» / 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д: Профпресс, 2019. С. 26–81.

³ См., напр.: Постановление КС РФ от 4 апреля 1997 г. № 4-П//СЗ РФ. 1997. № 11. Ст. 1372; Постановление КС РФ от 13 июля 2010 г. № 16-П//СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4296; Определение КС РФ от 9 ноября 2017 г. № 2511-О.

декс; в Москве ведется активная работа по разработке проекта Избирательного кодекса города Москвы и т.д.).

Сегодня заслуживает повышенного внимания также состояние *муниципального сегмента региональной правовой системы*, тем более что мониторинг надзорной деятельности свидетельствует о распространенности законодательных нарушений со стороны органов местного самоуправления практически во всех сферах социально-экономической жизни, включая управление муниципальной собственностью; формирование и исполнение местных бюджетов; осуществление предпринимательской деятельности; предоставление муниципальных услуг в сферах жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения, культуры. В этой связи перспективным является (особенно в свете поправки к ст. 132 Конституции РФ) развитие *координационных форм сотрудничества законодательных органов государственной власти субъектов РФ и представительных органов местного самоуправления*, в том числе ориентированных на выработку и проведение единой правовой политики региона, подготовку модельных муниципальных правовых актов, формирование рекомендаций органам местного самоуправления по осуществлению правового регулирования.

Очевидно, что в настоящее время в связи с реализацией очередного этапа муниципальной реформы и расширением законодательной компетенции субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления, не только возрастает свобода усмотрения органов государственной власти в рамках муниципальной политики регионов, но и существенным образом повышается ответственность субъектов Российской Федерации за состояние дел в муниципальной сфере.

КС РФ неоднократно указывал на то, что в силу вытекающего из Конституции РФ принципа многообразия организационных моделей построения и реализации муниципальной власти законодательное регулирование в этой сфере общественных отношений должно быть по возможности гибким и гарантировать местным сообществам реальную возможность на основании закона и в установленных им пределах самостоятельно определять конкретные требования, касающиеся организации и осуществления местного самоуправления на соответствующей территории, которые учитывали бы исторические и иные местные традиции и позволяли бы эффективно решать вопросы местного значения в интересах населения¹.

Важно подчеркнуть, что решения КС РФ, инициированные субъектами РФ и муниципальными образованиями, в том числе Ростовской области, являют собой весомый вклад в формирование и развитие регионального и муниципального конституционализма в рамках единого федеративного конституционно-правового пространства России.

Именно в этом плане мы формулируем свои соображения *о муниципальном конституционализме*, некоторых доктринальных и практических проблемах его развития в аспекте научных достижений Ростовской школы муниципального конституционализма.

¹ См.: Постановления КС РФ: от 18 мая 2011 г. № 9-П, от 1 декабря 2015 г. № 30-П и др.

**Муниципальный конституционализм —
самостоятельное научное направление**

Вопросы муниципального строительства занимают центральное место в исследованиях представителей Ростовской научной школы. Подтверждением этого является и тот факт, что признанным ее научно-образовательным и организационно-методическим центром является кафедра — в сегодняшнем ее наименовании — муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета¹. Практически все члены кафедры — питомцы Ростовской школы конституционного и муниципального права (за соответствующий период были защищены два с половиной десятка диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук).

Кафедрой успешно преодолевались сложившиеся стереотипы о самом характере государственной специализации, подтверждался не только её фундаментальный научно-теоретический характер, но и *нацеленность на проблемы прикладного характера*.

Весьма активным было участие кафедры в разработке как фундаментальных научно-теоретических проблем, так и вопросов прикладного характера, включая проекты законодательных и муниципальных актов. Значимым в этом плане был вклад в разработку Устава Ростовской области и в процесс создания Устава города Ростова-на-Дону (принятого городской Думой первого созыва в 1996 году).

Устав Ростова-на-Дону впоследствии был признан одним из лучших в России и взят за основу многими другими муниципальными образованиями. Разработанная в этот период методология уставного регулирования на основе принципа муниципально-правового триединства «население — муниципальная власть — территория» и сегодня, в новых условиях федерального регулирования, сохраняет свое значение².

Значимым было и остается участие представителей Ростовской школы конституционного и муниципального права в законотворческой и иных формах практической деятельности, их представительство на всех уровнях публичной власти. Яркий пример в этом плане — *М. В. Емельянов*, бывший аспирант, защитивший кандидатскую диссертацию; доцент кафедры, ставший в 1990-е годы депутатом Законодательного Собрания Ростовской области, а ныне — депутат Государственной Думы РФ пяти последних созывов, отдавший предпочтение (вопреки рекомендациям заведующего кафедрой) карьере известного политического деятеля (как один из руководителей партии «Справедливая Россия»). Иной пример — один из соавторов настоящей публикации, *доцент Т. П. Георгиева*, которая активно включена в процесс муниципального строительства на Дону (начиная

¹ Основателем и руководителем кафедры на всем протяжении ее истории (с 1988 года по настоящее время) является проф. Н. С. Бондарь. При этом с 2000 года, после назначения судьей Конституционного Суда РФ, на протяжении 20 лет (вплоть до ухода в отставку с 1 ноября 2020 г.) Николай Семенович руководил кафедрой по совместительству.

² См. подробнее: Бондарь Н. С. Каким должен быть устав муниципального образования. Концепция Устава города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д, 1996; Бондарь Н. С., Георгиева Т. П. Устав муниципального образования: нормативная модель, соотношение традиций и новаций // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 5. — С. 23–31.

с 1997 года). На протяжении уже шести созывов *Т. П. Георгиева* является депутатом Ростовской-на-Дону городской Думы, а последние два созыва — заместителем председателя Ростовской-на-Дону городской Думы. При этом она отдает массу времени и энергии также научно-педагогической деятельности.

Замечательным примером совмещения глубокого теоретика и опытного практика является *доцент А. В. Киселева* и *д. ю. н., профессор Ю. А. Колесников*. К заслугам Ю. А. Колесникова можно отнести усиление важного как для кафедры, так и всей школы конституционного и муниципального права, финансово-правового направления. Оно было представлено широким спектром исследований в области финансового, административного, налогового, банковского, страхового права, с чем согласуется в том числе практический опыт профессиональной деятельности этого ученого, теперь уже заведующего вновь созданной кафедры финансового права Южного федерального университета. Профессор Ю. А. Колесников — признанный эксперт в вопросах муниципального финансового регулирования и контроля — член Экспертного совета по законодательству страхованию при Комитете Государственной Думы РФ по финансовому рынку и Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ, Страховой омбудсмен России и т. д.). Кафедральные авторские научные направления представлены также работами *д. ю. н., доцента Н. В. Джагарян*, *к. ю. н., доцента Э. Э. Барина* и др.

По мнению авторов, непреходящее значение имеет разработка представителями Ростовской школы конституционализма и муниципального права и ее руководителем *проблем муниципальной демократии сквозь призму конституционного правосудия*. В этом же русле следует оценивать и реализацию в 2020 году предложенной кафедрой идеи создания *научно-образовательного Центра судебного конституционализма*. В основе данного, в том числе практико-прикладного направления деятельности, лежат реальные достижения Ростовской школы государственоведения в области изучения проблем судебной власти, конституционного правосудия, включая соотношение данных институтов с муниципальной, региональной государственной властью.

Так, одним из значимых результатов сочетания научно-образовательной и конституционно-судебной деятельности явилось издание одним из авторов данной статьи монографии, посвященной комплексному анализу муниципальной проблематики на основе сочетания, интеграции конституционных и муниципально-правовых аспектов исследования институтов современной демократии¹. Как продолжение этой линии можно рассматривать вышедшие в свет в рамках учрежденной в 2012 году авторской «Библиотеки судебного конституционализма» (сегодня она включает в себя десять самостоятельных выпусков) монографии — «Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики)»², «Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ро-

¹ См.: Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008.

² Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. Ростов н/Д: Профпресс, 2016.

стовской области)»¹. Но появлению этих, как и других публикаций, предшествовали ранние исследования многих других, нетрадиционных для муниципально-правовой науки проблем — личностных аспектов институтов муниципальной демократии и в связи с этим — роли местного самоуправления в обеспечении прав и свобод граждан; обоснования новых для правовой науки категорий муниципальных прав и свобод, муниципально-правового статуса личности, конституционно-судебное обеспечение прав человека и т. п.²

Интересно, что отправная точка исследований этой проблематики имеет еще более глубокую предысторию. Так, монография, посвященная анализу конституционной природы прав и свобод человека и гражданина, была выпущена одним из авторов данной публикации в далеком 1988 году. Актуальная ныне правозащитная тематика рассматривалась в ней с позиций коллизионного единства и противоречий экономической и политической власти на различных уровнях ее реализации³.

Заслуживают внимания научные подходы, которые можно обобщить в рамках предметной области «конституционная цивилистика». Ряд идей этого научного направления оформились в работах, посвященных экономическим аспектам конституционного правосудия⁴. С этими подходами связано и концептуальное понимание природы как конституционно-правового, так и муниципально-правового регулирования в их сложном соотношении в рамках конституционно значимой (на всех уровнях правового регулирования!) триады «свобода — власть — собственность».

Хотя данная проблематика затрагивалась в какой-то мере и в ранних работах, пожалуй, концентрированное значение с точки зрения оценки достижений Ростовской школы муниципального конституционализма имеет подготовка представителем Школы учебника по муниципальному праву, который на сегодня выдержал уже *четыре* издания. Выпущенное в свет научным коллективом, состоящим из питомцев Ростовской школы — А. А. Джагаряна, Н. В. Джагарян, Т. П. Георгиевой, под редакцией проф. Н. С. Бондаря, издание «Муниципальное право Российской Федерации» стало визитной карточкой оформившейся в Ростове-на-Дону научной концепции муниципального конституционализма. Рекомендованный Минвузом России для академического бакалавриата, данный учебник получил широкое признание в отечественной высшей школе.

Нынешний этап развития Ростовской школы муниципального конституционализма, как и прежде, неразрывно связан с новыми, порой довольно противоречивыми тенденциями развития высшей школы, включая юридическое образо-

¹ Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области). Серия «Библиотека судебного конституционализма» / 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д: Профпресс, 2019.

² См.: Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1998; Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении». М.: Городец, 2004. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом РФ. М.: Юстицинформ, 2005.

³ Самоуправление народа и социально-экономические права граждан СССР: конституционный аспект». Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1988.

⁴ См.: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России (очерки теории и практики). Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 7. М.: Норма, 2017.

вание и правовую науку¹. Что же касается позитивных тенденций, то они связаны, прежде всего, с усилением многопрофильности, межотраслевого характера кафедры и ее пополнением новыми блоками учебных дисциплин (земельное, экологическое право). Это предопределяет необходимость усиления единства публично-правовых и частноправовых начал, в том числе в рамках кафедральных направлений образовательной и научной деятельности. На этой основе реализуется новый, комплексный подход к пониманию специализации, к юридическому образованию вообще. Он предполагает максимальное использование возможностей и преимуществ межотраслевых и междисциплинарных связей.

Надеемся, что дочитавшие настоящую публикацию до конца, смогли составить себе представление о вкладе питомцев Ростовской школы муниципального конституционализма в отечественную юридическую науку. Однако научных задач, которые еще предстоит решить, несравненно больше. Как сказал на заре становления российского муниципального права, Лев Александрович Велихов: «Мы взяли жизнь как она есть, старались выделить жизнеспособное... Кто верит в будущее России и в творческие силы русского самоуправления... Приди, признай самобытность и своеобразие наших форм прогресса и помощи ему! Верь, что выйдет хорошо»².

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Близкое — далекое: кафедре муниципального права и природоохранного законодательства РГУ (ЮФУ) — 30 лет: Сб. материалов, посвященных 30-летию кафедры муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ/отв. ред. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Профпресс, 2018. 212 с.
2. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом РФ. М.: Юстицинформ, 2005. 592 с.
3. Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: Городец, 2004. 352 с.
4. Бондарь Н. С. Каким должен быть устав муниципального образования. Концепция Устава города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д, 1996. 46 с.
5. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с.
6. Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1998. 381 с.
7. Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии // Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. М.: Юрист, 2013. 72 с.
8. Бондарь Н. С. Ростовская область: конституционная модель организации и политическая практика развития // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 1997. — № 2 (19). С. 86–90.

¹ См.: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. М.: Юрист, 2013.

² См.: Городское дело, 1913. № 1. 29 с.

9. Бондарь Н. С. Ростовская область: обретение нового конституционного статуса // История парламентаризма на Дону. Из прошлого в современность. Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2019. С. 16–25.
10. Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области) // Серия «Библиотека судебного конституционализма». 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д: Профпресс, 2019. 296 с.
11. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России. Очерки теории и практики // Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 7. М.: Норма, 2017. 272 с.
12. Бондарь Н. С., Георгиева Т. П. Устав муниципального образования: нормативная модель, соотношение традиций и новаций // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 5. — С. 23–31.
13. Городское дело. — 1913. — № 1. 29 с.
14. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации. Матлы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / отв. ред. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2006. С. 8–16.
15. Савельев Е. П. Войсковой круг как народоправие на Дону. Новочеркасск: Донская типография, 1913. 17 с.

Bondar N. S.

Doctor of Laws, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don

Georgieva T. P.

Associate Professor, Cand. Sc. Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don

FROM THE PRACTICE OF MUNICIPAL DEMOCRACY TO THE SCIENTIFIC SCHOOL OF MUNICIPAL CONSTITUTIONALISM

The article prefaces the cycle of publication in the given magazine's issue, the authors of which are the members of the Rostov scientific school of municipal constitutionalism. This gave momentum for analysing historical reasons for the establishment and development of scientific School that are rooted, first and foremost, in the historical traditions and contemporary specificities of the Don Region's local self-government. At the same time, the authors analyse the role and place of municipal law in the Russian legal system, stressing its complex, intersectoral nature; give reasons for methodological approaches to forming of, on the basis of modern jurisprudence's unity of theory and practice, such institutions as regional and municipal, economic, and law enforcement constitutionalism. Based on that, the authors are defining the perspective forms of state and municipal governments' cooperation for the forming of modern municipal segment in regional legislation, oriented at strengthening the systematisation of law regulation, as well as forming the unanimous regional law politics.

Key words: The Rostov school of municipal constitutionalism; municipal law; intersectoral approach; local self-government; constitutionalism; public authority; regional legislation.

УДК 343.214

© 2021

Бойко А. И.,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления —
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при президенте Российской Федерации»
(ЮРИУ РАНХиГС), доктор юридических наук, профессор

Сашенко А. А.,

преподаватель, ЮРИУ РАНХиГС

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Статья представляет собой рассуждения об эволюции отечественной уголовно-правовой мысли в свете возможностей российских криминалистов качественно разрешать актуальные профессиональные и при этом социально значимые проблемы. Авторы рассматривают связь прошлого, настоящего и будущего в контексте доктрины уголовного права; раскрывают ее содержание, состав и особенности. Согласно авторскому видению, в уголовно-правовом регулировании сегодня обозначился ряд проблем, решать которые предстоит маститым специалистам, а также тем, кто сегодня пока только обучается премудростям юридической науки в вузах нашей страны.

Ключевые слова: будущее; доктрина; закон; настоящее; наука; практика; прошлое; теория; уголовное право.

Россию в злую шутку именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки время от времени менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, обрушиваясь с критикой на своих предшественников. В этой связи уместно задаться вопросом — продуктивно ли постоянно отрекаться от собственного исторического опыта? Допустимо ли рассуждать о будущем науки в отрыве от идеологической доминанты конкретного момента времени?

Уголовно-правовая доктрина: спор настоящего с прошлым

«Затевая спор настоящего с прошлым, мы обнаружим, что потеряли будущее», — эта мысль принадлежит Уинстону Черчиллю. Безусловно, будущее кутется в настоящем и с пытливым оглядкой в прошлое. Наивно и опасно полагать, будто предыдущие поколения только и делали, что заблуждались и ошибались, усиленно создавая проблемы себе и потомкам, а вот современники могут одним махом преодолеть все преграды и твердой рукой направить страну в сказочное завтра.

Авторы позволили себе употребить в названии статьи термин «доктрина» в качестве собирательного слова, обозначающего сплав:

- *теории* (консолидированного профессионального знания, в социальных науках весьма политизированного);
- *закона* (как письменной формы выражения нематериального права и управляющей им политики правящего класса);
- *практики применения закона* (в национальной юриспруденции и прежде всего в сфере уголовного преследования правоприменение производится, как правило, с минимальной опорой на научные мнения).

Большой диапазон интерпретации данного понятия в справочной литературе дает нам право на столь вольную трактовку. Действительно, в энциклопедических и толковых словарях находим, что *доктрина* есть научное, философское или политическое учение; нормативная формула; теория, система, **руководящий** принцип; совокупность постулатов, которые служат основой теории и способствуют развитию ее объяснительной функции; **концепция**, совокупность принципов, официально принятых взглядов на какую-либо проблему и характер средств ее решения и т. д.

Но необходимо сделать и ряд более важных оговорок.

Во-первых, представители быстро прогрессирующего и потому самоуверенного естествознания традиционно и укоротительно акцентируют внимание на том, что «доктрина» употребляется для обозначения преимущественно догматических и схоластических взглядов и должна адресоваться устаревшим учениям и концепциям. «Консервативные» же теологи принимают данный упрек и без тени смущения разумеют под нею «истинное учение о вере и жизни». Данное толкование смысла «доктрины» мыслителями противоположных лагерей гносеологии без какого-либо негативного налета применимо и к уголовной юриспруденции, которая в правовой системе разделения труда имеет, в основном, охранительное (консервирующее, а не «возбуждающее» социальный мир) предназначение. Как говорится, все юристы — реакционеры (А. Бебель).

Во-вторых, в юриспруденции союз между теорией и ее реализацией сложнее, многопрофильнее, прочнее и проще, чем в других областях социальной практики. Научные положения и достижения проходят проверку, подтверждение и развитие сразу в двух относительно обособленных, но взаимосвязанных сферах — законодательстве и правоприменительной деятельности.

Правовая теория формируется на двух рубежах — вначале ее носителями постигаются азы (образовательный процесс в учебных заведениях), а затем для них наступает пора «плодоношения» или самостоятельного производства новых идей, взглядов и обобщений (научные предложения, нормотворческие рецепты, практические решения и рекомендации в ходе профессиональной деятельности каждого и всех юристов вместе). Именно и только уголовное право в силу его принудительного характера и повышенной травмирующей силы обросло за столетия функционирования двумя вспомогательными или обеспечительными по отношению к нему отраслями — **уголовно-процессуальным** (технологическое сопровождение на предварительной стадии реализации уголовной ответственности)

и **уголовно-исполнительным** (регламентация и детализация процесса применения уголовных санкций) правом.

В-третьих, суть юриспруденции вообще сводится к управлению посредством нормирования общественной и в меньшей степени личной жизни с помощью типизации событий и стандартизации индивидов. Обратите внимание: строго по тексту Уголовного кодекса наказывается кража как тайный способ хищения чужого имущества, а не тот, кто украл, однако и он понимается как *лицо* «среднего» пола, национальности, образованности, упитанности и т. д. при условии достижения им 14-летнего возраста и обладания адекватной психикой.

По этой причине степень обобщения знаний (но не масштаб!) в уголовно-правовой сфере значительно ниже, чем в том же естествознании. И это с непреклонностью предполагает легко угадываемую, проверяемую и ремонтируемую связь между теорией и практикой, обоснованностью понимания отраслевой доктрины как синтеза теоретических постулатов, законодательных предписаний и правоприменительных решений.

Наука и/или практика?

В связке теории, закона и правоприменения роль **ответственной** примы принадлежит науке. Такова духовная повинность образованного класса, который имеет возможность и которому положено за счет населения и для его блага ежедневно и системно размышлять о состоянии и совершенствовании общественной жизни. Данная нагрузка безальтернативна и священна, ею нельзя манкировать, отговариваясь материальными затруднениями или будничными хлопотами. Законодатель и практик никогда не поднимутся до стратосферы научных обобщений, а вот ученый анализирует прикладные последствия своих расчетов, предсказаний и рекомендаций. Кроме того, ученый штурмует методологические высоты, о существовании которых другие субъекты доктрины даже не подозревают. Так наука проверяет собственную состоятельность, расширяет видимые только ей горизонты знания.

Прозорливые люди, пусть односторонне, но в русле нашего отраслевого предприятия, величают историю *журналом регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества* (Э. Гиббон). В этом смысле заметим, что исторические экскурсии полезны в любой предметной области и по любой проблематике. Это помогает избежать принятия поспешных и односторонних решений в ходе строительства величественного здания будущего на основе привязки к фундаменту прошлого. История — это *testis temporum, vita memoriale, lux veritatis*. Ее откровения и уроки стреножат крайности во взглядах, упреждают завышенные расчеты и повторы ошибок. Право слово, живые факты вернее придуманных, как и естественное право намного лучше «навязанного» (М. Ориу).

Обращение к прошлому особенно актуально для России. Наша государственно-правовая история рисуется на Западе и в трудах отечественных либералов преимущественно в темных тонах: варварство, империя зла, геноцид, ГУЛАГ, тоталитаризм... Но эти «просвещенные» обвинения, пропущенные через увеличительное стекло сегодняшних бедствий, российского обывателя не больно-

то и ранят. Тем более, что «карательная практика» России, несмотря на отдельные трагические страницы ее истории, дает не так уж много оснований для посыпания головы пеплом.

Юридический менталитет народов России, осевших на периферии старушки Европы, сформировался без религиозных исступлений инквизиции и крайних форм рабовладения. Наши предки были явно гуманнее своих соседей.

Наиболее известный и первый из дошедших до нас законодательный памятник русичей — Правда Роська — не содержит упоминания о смертной казни. Показателен Поименный список приговоренных к смертной казни в период с 1826 по 1906 гг. В нем значатся фамилии 612 человек или менее 8 осужденных к данной мере в год, причем из них реально казнены лишь 128 несчастных¹. А какие это были времена: декабристское и польское восстание, крестьянские волнения, холерные бунты, теракты народовольцев, революционные выступления пролетариата начала XX века!

Воодушевление, охватившее страну после отмены крепостного права и словного суда, привело к тому, что обязательным разделом мудрствований философов, юристов, просветителей всех мастей конца XIX века стали нравственные основы карательной деятельности государства, консолидированные в специальную теорию под названием «обоснование права наказывать», что явилось убедительным свидетельством чистоплотности и искренности доктрины.

На этой основе отечественные и зарубежные исследователи уголовно-правовой истории России вынуждены признать, что наша страна первенства с точки зрения жестокости правосудия не имеет. Ни один памятник российского права эпохи феодализма не может сравниться по этой части с Каролиной. У нас здравствующий воин и налогоплательщик значили больше, чем казненный преступник. В России не было своего судьи фон Карпцова, пославшего на смерть двадцать тысяч германцев, а значительная часть приговоренных к исключительной мере наказания получала право на жизнь благодаря православной вере — обряду печалования или священнического увещевания. Иными словами, русская карательная доктрина исключала «прямолинейное искоренение преступности террористическими методами»².

В целом ломаную линию государственных исканий в сфере принуждения можно обозначить следующими кульминационными пунктами:

- переход от кровной мести к официальному разбирательству (что «светит» беспристрастностью — *sine ira et studio* и выживанием конфликтующих);
- поиск новых и отсеивание устаревших видов принуждения (с Указа 1637 года начинается клеймение преступников; эта варварская практика выжигания на лице букв «ВОРЪ», выполнявшая функцию примитивных справок о судимости, дожила до 1863 года);
- выдвижение и постепенная шлифовка целей карательной деятельности; прыжок от сословного арбитража к суду равных (присяжных, народных заседателей);

¹ См.: Против смертной казни: сб. статей / под ред. М. Н. Гернета. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1907. — 500 с.

² Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М.: Юристъ, 1995. С. 261.

— замена круговой поруки и процессуальных полномочий верви (общины) на официальный розыскной процесс;

— переход от ордалий (пыточных допросов) к системе формальных доказательств.

В фокусе принудительной проблематики, безусловно, расположено **наказание**. К нему тянется и профессиональный, и общественный (часто нездоровый) интерес.

По В. И. Далю наказание первоначально понималось как приказ, указание, а позже — в качестве кары, принуждения, т. е. ограничений и страданий для ослушника.

Пионер просвещенной пенологии завещал: «чтобы ни одно наказание не было проявлением насилия одного или многих над отдельными гражданами, оно должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законе»¹.

Белинг видел в государственном возмездии «громоотвод против опасности потери авторитета власти», а известнейший историк и социолог советской эпохи — месть государства за посягательство на его монополию управлять: «закон сурово карает преступника-убийцу и суровее всего за преднамеренное убийство, т. е. за то, что он поднял руку на саму монополию государства убивать»².

Право, по Г. В. Мальцеву, есть гарантированный принудительной силой государства порядок жизни общества, обязательный для всех согласных и несогласных с ним. Создаваемое в законодательных инстанциях право уже содержит определенную программу или общий план реализации обменных и распределительных отношений в обществе³. Преобладающим же на сегодня является убеждение, что наказание — это крайнее средство, ибо надежды на правомерное поведение следует увязывать не с государственно-организованным насилием, а с более широкими социальными программами, делающими жизнь обывателей пристойной и гасящими мотивы к эксцессам. Что касается уголовного наказания, то оно по отношению к преступности вторично и «имеет дело не с социальными ее причинами, а с результатами действия этих причин. Именно поэтому уголовное наказание (как и все уголовное право) не только не может ликвидировать преступность, т. е. явление, имеющее социальные корни, но вряд ли может даже существенно повлиять на структуру и динамику преступности»⁴.

Искания российской юриспруденции XX и начала XXI века в области государственного принуждения многолики, в них заключен политико-экономический и духовный экстракт советской действительности и современной отечественной государственности. Главный раздражитель коллективной мысли, ее нравственной неудовлетворенности, давно известен: «всякое право предполагает неравенство... есть применение одинакового масштаба к различным людям»⁵. Отсюда много-

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс-БИМПА», 1995. С. 247.

² Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 19–20.

³ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. С. 180–185.

⁴ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М.: Наука, 1987. С. 140–141.

⁵ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.

численные издержки в практике исполнения насилия, пятна на служебной тунике Эриний, Немезиды и даже самой Фемиды.

Официальные пропагандисты и доктринальные толкователи текстов УК ищут свежие рецепты, объясняют древние директивы набором осовремененных аргументов, устраивают дискуссии, имеющие огромный общественный резонанс. К их числу следует уверенно отнести такие направления обсуждения, как:

- «наступательное» наказание или «апатичные» средства социальной защиты;
- «размытая» аналогия или «черно-белая» противоправность;
- публичное и частное начала в области борьбы с преступностью;
- поиски вечного, неуловимого идеала справедливости;
- принуждение в призме конфликтологии;
- нетленная проблема гуманизации в карательной деятельности государства;
- варианты перехода от *tat justiz* к *person justiz*¹.

Самостоятельным разделом научного дискутирования стал вопрос о содержании наказания — исчерпывается ли оно карой или включает в себя и так называемые меры исправительного воздействия?

Советские пенологи во главе с профессором Н. А. Стручковым вынесли в 60–70-х годах прошлого века такой вердикт: содержание наказания ограничивается принуждением («лишения или ограничения прав и свобод» приговоренных — ныне ч. 1 ст. 43 УК РФ), а его применение «ароматизируется» специальными добавками (обязательный труд, воспитательная работа с осужденными, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, общественное воздействие на них — ныне ст. 9 УИК РФ), которые не имеют принудительного звучания, но существенно облагораживают кару.

По нашему мнению, не стоит «стыдиться» национального прошлого в сфере борьбы с преступностью — на его гидропонике, с дополнительной опорой на опыт всей цивилизации можно искать решение назревших проблем уголовно-правового регулирования.

Бурно развивающаяся в силу очередного (1990-е годы) исторического кульбита Отечества и переустройства мира криминальная действительность ставит перед уголовно-правовой доктриной новые и все более сложные задачи.

Несмотря на давние и во многом оправданные претензии социума и самолинчевание коллег² по поводу того обстоятельства, что уголовно-правовая нау-

¹ Кажется, данную трансформацию отраслевых представлений первым обозначил несравненный Г. М. Миньковский. См. об этом наше: *Бойко А. И.* Принуждение и насилие в отечественной государственно-правовой идеологии и риторике // *Насилие в современной России: Материалы научно-практической конференции 10–11 июня 1999 года.* Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. С. 150–160.

² См.: *Голик Ю. В., Коробеев А. И.* Преступность — планетарная проблема (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006; *Жалинский А. Э.* О современном состоянии уголовно-правовой науки // *Уголовное право.* 2005. № 1. С. 21–24; *Кудрявцев В.* Науку уголовного права пора модернизировать // *Уголовное право.* 2006. № 5. С. 130–131; *Кузнецова Н. Ф.* Мнение учёных о реформе УК (или *qui prodest?*) // *Уголовное право.* 2004. № 1. С. 2627; её же: Как реформы либерализма воплотились в реформе УК // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3; *Лунеев В. В.* Проблемы юридических наук криминального цикла // *Государство и право.* 2007. № 5. С. 39–58; Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // *Уголовное право.* 2006. № 4. С. 135–138.

ка не является образцом рассудительности и творческих возможностей, причем со ссылкой на весьма вельможные доводы — название вольтеровской статьи «Плохая юриспруденция умножает преступление»¹, горестную оценку Иеремия Бентама, будто «в некоторых случаях правоведение может быть определено как искусство методического незнания того, что всем известно»², давние сетования Ф. Листа о том, что «мы находимся лишь в самом начале нашей работы и... не нашли еще метода, обладание которым давало бы нам основание надеяться на успешное разрешение нашей задачи»³, все равно ныне живущим криминалистам нельзя и, как говорили древние русичи, «поздно битвы бежать».

Назовем и кратко обоснуем несколько зреющих или уже очевидных проблем уголовного права, от решения которых *сегодня* зависит наше *будущее*⁴.

Первая проблема: необходимость деюридизации общества

Пусть читатель посчитает начальную в нашем изложении задачу доктрины парадоксальной, но от нее во многом зависит решение других проблем современности и фундамент будущности. В ближайшее время Россия приговорена к тому, чтобы заняться **деюридизацией общественной жизни**.

В 1998 году отечественное Министерство юстиции пересчитало количество действующих нормативных актов в стране (включая местный уровень) и, наверное, удивилось полученным цифрам, а потому подобную ревизию уже не производит. Таковых актов оказалось на тот момент 1,5 млн. С учетом прошедших с того момента двадцати лет, а также благодаря бурному расцвету территориальных представительных учреждений и их законотворческой инициативы, без особого риска ошибиться можно утверждать, что в стране сегодня циркулирует не менее 2 млн нормативных актов. А ведь в их составе числятся такие монстры, как Гражданский кодекс из нескольких частей и тысяч статей, каждая из которых дробится с помощью цифровой и буквенной индексации на уточняющие правила.

Заметим: прежний (советский) Уголовный кодекс был упразднен в том числе и потому, что за 36 лет своего существования он претерпел около 700 поправок. Однако действующий уголовный закон за последние четверть века вынес уже более 4 тыс. изменений! При этом мы еще не говорим о проблеме заадминистрированности и необходимости содержать огромный управленческий аппарат (2,4 млн чиновников в современной России против 660 тыс. в СССР), многочисленных коллизиях юридических правил и правоприменительных ошибках, общественной

¹ *Вольтер*. Избранные произведения по уголовному праву и процессу/пер. с фр. М.: Госюриздат, 1956.

² *Бентам И.* Трактат о судебных доказательствах. Киев, 1876. С. 7.

³ *Проф. Ф. Лист*. Общественные факторы преступности // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 2. С. 41.

⁴ Разумеется, избирательностью в отборе трудностей и задач уголовно-правовой доктрины будет грешить любой представитель науки. Главное — избежать банальностей, уже ненужных призывов к тому, чтобы юрист ближайшего будущего отличался компьютерной грамотностью и знал хотя бы один иностранный язык, заявлений беспорных истин, сродни той, что будущее во все времена и повсеместно принадлежит молодому поколению, а старшему остаётся лишь вспоминать прошлое и брюзжать.

нервозности и снижении социальной инициативности населения¹ и пр. негативных плодах новейшей истории.

Лишь то общество имеет виды на устойчивое, мирное, производительное и эстетическое существование, которое свою жизнь организует преимущественно с помощью нравственности, религии, наставлений старшего поколения, героических примеров из прошлого своего этноса, даже поговорок, пословиц и крылатых выражений, но не ограничений, запретов и предписаний. Именно юристам, лучше других понимающим невозможность управлять бурно развивающейся и пышущей новыми формами жизнью с помощью стремительно устаревающего² ординарного права, придется стать инициаторами этого процесса. Призываем под эти хоругви единомышленников! Ведь именно нам суждено обеспечить гражданский мир в разбалансированной стране, помогая неповоротливым регламентам других отраслей права, с помощью бланкетности подстраиваться под быстро меняющееся законодательство.

Вторая проблема: правоприменение в условиях кризиса

В России культивируется рыночная экономика. Причем экономика у нас, как известно, развивается в условиях колоссального имущественного расслоения, вызванного перегибами экономической политики, проводившейся в стране в конце прошлого века.

Рынок гарантирует риски и кризисы, а социальное расслоение — повышенную конфликтность в социуме и правовое неравенство. В этих условиях современникам и юристам ближайшего времени надлежит не просто знать законы диалектики, но и умело преодолевать противоречия с помощью дихотомии, сглаживания крайностей, ставки на «золотую середину».

Всем правоведам, а отраслевым в особенности, нужно возделывать почти непаханое поле — *исключительные* (типа «обстоятельств, исключающих преступность деяния») и *переходные* (типа «возрастной невменяемости», «уменьшенной вменяемости», эксцесса необходимой обороны, специальных субъектов и пр.) нормы, а равно *привилегированные составы* (ст. 106–108 УК РФ), в количественном отношении катастрофически проигрывающие их квалифицированным собратьям.

Третья проблема: качество языка права

Общеизвестно, что юрист кормится... языком, являющимся основным орудием его труда. Что сегодня представляет собою язык права, какие опасности подстерегают нас здесь и каковы перспективы их преодоления? Можно много

¹ Известный криминолог современности объявил, что множасься ограничения и запреты настолько опутали россиян, что их творчество в любой сфере тормозится или даже блокируется, поскольку оно рассматривается если не как правонарушение, то как девиация (Гилинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302–311).

² Наслаждайтесь: петух встаёт рано, но злодей ещё раньше (прозорливо-насмешливый К. Прутков); закон будет всегда отставать от последних проявлений преступной воли (гениальный А. Ф. Кони); над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, — миллионы (глава государства В. В. Путин).

говорить о тенденциях в речевом общении, о кризисе литературной языковой традиции, о падении уровня профессионального юридического языка вследствие общего снижения качества юридического образования и уровня вузовской науки в целом, о выхолащивания массовой культуры и формировании целого поколения с клиповым мышлением и интернет-аддикцией. Но это будет лишь констатация факта и никакого конструктива.

С законодательным языком (и, между прочим, не только в России) приключились две неприятности:

а) при давно установленной филологами норме в 10% словарного запаса нации, для целей управления в законодательстве РФ уже задействовано более 30% тезауруса русского языка;

б) ныне 80% слов европейских языков с длительной культурной эволюцией (а русский язык входит в этот пантеон) синонимичны. Например, англичане шутят: если написано Ливерпуль, нужно понимать Манчестер и наоборот.

Система управления, естественно, стремится к единообразному прочтению и пониманию своих требований, однако она раз за разом сталкивается с серьезными искажениями восприятия законоположений. В этой мутной воде хорошо чувствуют себя только казуисты и акулы бизнеса, способные нанять артели юристов для выискивания лазеек в налоговом законодательстве.

Весьма вероятно, что, если современники не обратят внимание на растущую синонимизацию народной и законодательной речи и не станут искать выход из положения, для наших потомков задача эффективного уголовно-правового регулирования станет почти неразрешимой. Полагаем, что следует искать и культивировать специальные (на сегодняшний день новые) технологии толкования законодательных текстов (герменевтика, топика и пр.)¹.

Четвертая проблема: растущая сложность правовой системы

Усложнение социума и следующая за этим нормотворческая активность представительных учреждений безальтернативно влечет за собой усложнение правовой системы, появление новых отраслей права и дальнейшую дифференциацию юридических знаний. Это способствует повышенному спросу на узких специалистов по бланкетности и коллизионному праву. Для представителей уголовного права, фирменной спецификой которого служит бланкетность, это и предупредительный звонок, и социальный заказ, и шанс.

Пятая проблема: «ставки сделаны, ставок больше нет»

Нельзя менять ставки во время уже начавшейся игры! Человечество давно выстрадало одну из заповедей нормального управления: законы должны быть стабильными, ибо граждане вправе знать, что их ожидает в ближайшем будущем в зависимости от собственного юридически значимого поведения — санкции или награды, приобретения или потери. Кроме того, гражданам нужно понимать, ка-

¹ Подробные предложения на сей счёт см. в монографии: *Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание*. М.: Юрлитинформ, 2010. — 320 с.

кой модели поведения им придерживаться в социуме в перспективе, — уезжать за границу, покупать недвижимость, создавать семью, совершать подвиги или неблагоприятные поступки. В идеале на период жизни каждого поколения правила должны быть несменяемыми. Эта «железобетонная» истина распространяется и на область уголовного права. Вспомним оговорку В. Н. Кудрявцева, допущенную им при обсуждении оптимальной модели криминализации: «нельзя не менять содержание закона: иначе он отстанет от жизни; в то же время нестабильность законодательства существенно ослабляет его эффективность»¹. Ему вторит известный украинский криминалист: «только на основе очевидной стабильности законодательства может образоваться стойкая, целеустремленная и прогнозируемая политика государства в сфере борьбы с преступностью»².

Но есть еще одно, буквально обескураживающее обстоятельство, показывающее преимущества стабильного (в том числе уголовного) законодательства и негативные последствия отступления от данного идеала. Несколько лет назад Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев на традиционном съезде своих коллег и в присутствии президента страны сетовал на то обстоятельство, что 50% служебного (оплачиваемого из бюджета) времени судей тратится на изменение приговоров и прочих решений по уголовным делам не потому, что они были не обоснованными и незаконными на момент вынесения, но из-за беспрестанного обновления УК РФ, порождающего необходимость в судебной реализации нормы об обратной силе уголовного закона³. Вдумайся, читатель, в эти цифры и в эту практику: очередники-преступники томятся в следственных изоляторах, затягиваются сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, Европейский суд по правам человека исправно выписывает за это штрафные квитанции нашей казне, но постоянные поправки в УК РФ незаслуженно и за счет бюджета направляют юристов на штрафной круг, дискредитируя государство в глазах граждан и умаляя имидж страны на мировой арене.

Почему же беспрестанно меняется текст УК РФ и повинна ли в том наша доктрина? Каузальный комплекс огромен. В нем нашлось место и для диалектики (вечного противостояния постоянства и перемен), и для проявления особенностей гуманитарного знания вообще (ущербного, любящего разменивать истину на пожелания вождей), но еще более — для субъективных причин. А они провоцируются тектоническими реформами и наследственной страстью восточных славян к революционным «качелям» (Д. С. Лихачев, И. А. Бунин).

Ну, не любим мы триста лет подряд стричь газон, предпочитая устраивать на нем попеременно то обитель, то клуб, то торговую лавку, то музей. В неэволюционные эпохи голос разума подавляется общественной экзальтацией, политическим прожектерством, необузданными социальными фантазиями, а юридическая

¹ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. — В. Н. Кудрявцев и А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 243.

² Тацій В. Я. Стабільність та динамізм кримінального законодавства України як запорука його якості та ефективності // Основні напрями розвитку кримінального права та шляхи вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 11–12 жовт. 2012 р. / редкол.: В. Я. Тацій (голов. ред.), В. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. — Х.: Право, 2012. С. 7.

³ Российская газета. 2013. 19 февраля.

наука неминуемо утрачивает беспристрастность и доверие населения (А. А. Подберезкин, А. Я. Сухарев, В. М. Сырых, В. Д. Филимонов). Становится очевидным, что наш национальный бог есть «бог всего, что есть некстати» (П. А. Вяземский), но не благоразумие. Удивительно, но страны СНГ, опаздывая на европейский экспресс в среднем на век, на чужих ошибках не учатся, не используют временной лаг с умом, а механически заимствуют чужеземный опыт без учета национальных традиций (Ю. М. Лужков). Всегдашняя готовность обществоведов разменять истину на указания правящей элиты, их инстинктивная политическая преданность, генетическая тяга к опытам по переустройству, лишь бы алгоритмы поставлялись из-за рубежа (С. Ю. Витте), помноженные на общее грехопадение юриспруденции вследствие снижения уровня грамотности молодых юристов и «массового остепенения» их взрослых коллег, парализуют творческие способности даже порознь, а в совокупности и вовсе отбивают привычку думать (В. Г. Беляев).

Диалектика согласования стабильности изменчивости уголовного закона

Если какая-то общественная проблема имеет вид диалектического противоречия (постоянно возобновляемая система соперничества многочисленных факторов объективного порядка), ее разрешение возможно только в форме комплекса взаимосвязанных мероприятий, причем без гарантии стопроцентного результата, а лишь с надеждой на некоторое выправление ситуации.

По нашему мнению, первыми учеными, обратившими внимание на противоречие между стабильностью и изменчивостью уголовного закона, а также предложившими свои варианты реагирования на него, стали известные столичные криминалисты из МГУ¹. С учетом содержания той давней публикации наиболее рациональное разрешение проблемы мы видим в следующих обязательных требованиях к уголовному правотворчеству:

а) законодательствование не «реактивное», а с упреждением. Властям одновременно нужно здраво прогнозировать и учитывать направления и результаты реформ, экономические потрясения, международную обстановку, данные правоохранительной практики, демографию и экологию, миграционные потоки населения, проверять законопроекты на соответствие Конституции РФ и международным стандартам по борьбе с преступностью, согласовывать уголовно-правовые новеллы с содержанием бланкетных источников; просчитывать уголовно-правовые риски² и давление общественного мнения, а также возможности государства по реализации принятых поправок в Уголовный кодекс;

б) обязательное производство беспристрастных научных экспертиз всех законопроектов по борьбе с преступностью. Сообщество криминалистов России, объединенное вокруг «Конгресса уголовного права», постоянно адресуется претензии властям в том, что для внешних экспертиз новелл к УК привлекается ограниченный круг ангажированных ученых. Хотя стоило бы для таких задач привлекать

¹ Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Сов. государство и право. — 1976. — № 8.

² См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. — 400 с.

различных специалистов, представляющих разные позиции и научные школы. В последующем имело бы смысл выносить на публичное обсуждение (на профессиональных форумах) отчеты выдвиженцев об их экспертной деятельности;

в) абсолютная необходимость криминологического обоснования всех изменений в УК (отсутствие репрезентативной криминологической базы для нововведений в УК РФ давно стало притчей во языцех в научных кругах и основным доводом критиков отечественного парламента — и это при наличии давно доказавшей свою состоятельность Российской криминологической ассоциации!);

г) использование таких языковых средств описания криминальных поступков, чтобы лексического запаса диспозиций хватало и на существующую, и на прогнозируемую преступность (имеются в виду так называемые *оценочные слова* или *признаки*, которые представляют собой «неконкретизированные в законе или ином нормативно-правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму, на основе конкретных обстоятельств уголовного дела»¹ — особая жестокость, неизгладимое обезображивание лица, крупный ущерб, значительный вред, явное несоответствие защитительных действий характеру и опасности посягательства и т. д.). С их помощью законодатель, знающий и ориентированный только на типовые случаи и среднестатистического гражданина, как бы передает свою монополию на криминализацию поступков территориальным юристам, сталкивающимся с неповторимыми и непредвиденными криминальными происшествиями;

д) законодательный эксперимент, олицетворяющий самый последний вариант парламентского реагирования на жизнь в форме распространения новеллы только на часть территории страны и только на ограниченный период времени с последующей оценкой результатов и принятием решения о целесообразности превращения эксперимента в постоянный норматив для всей страны. Эксперимент применяется в тех крайних случаях, когда полной уверенности в социальной адекватности дополнения или изменения УК нет, а не реагировать на подвижки в криминальной сфере нельзя. Чтобы сгладить вероятные издержки новеллы хотя бы частично, ее применение и ограничивается по территории и времени.

Шестая проблема: мониторинг правоприменения

Любое государство стремится к повышению эффективности юридического регулирования. Для этого в 2011 году в России приступили к мониторингу правоприменения, возложив данную функцию на Министерство юстиции². Все бы ничего, но:

¹ Кобзева Е. В. *Оценочные признаки в уголовном законе*. Саратов: Изд-во СГАП, 2004. С. 97–98.

² Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г., № 657 — «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ, 2011. № 21. Ст. 2930) в «Положение о Министерстве юстиции РФ» (Собрание законодательства РФ, 2004. № 42. Ст. 4108) введен п. 4.1, в соответствии с которым Минюсту вменена обязанность осуществлять «в установленной сфере деятельности мониторинг правоприменения в РФ».

а) в Минюсте РФ господствует упрощенное представление о новом участке работы — как о механическом сборе критических отзывов на законы от практикующей уголовной юстиции;

б) наша отрасль под мониторинг, по сути, не попала, ибо она давно «под прицелом» многих специализированных ведомств, в синклит которых Минюст не входит;

в) результаты практики используются для оценки уже принятого (что хуже), а не проектируемого (что лучше) закона. Мы же предлагаем использовать такой вариант профессионального отслеживания и оценки государственного противодействия преступности, когда одновременно учитываются и важнейшие социальные показания для отраслевого нормотворчества (критерии криминализации и пенализации общественно опасных деяний), и его влияние на эффективную деятельность судов, правоохранительных и пенитенциарных учреждений. А в идеале желателен переход к производству мониторинга сопряженной результативности теории, закона и практики, то есть совершенствования и вклада всех элементов доктрины.

Седьмая проблема: совершенствование методологии научного исследования преступности и реагирования на нее

Тысячелетний опыт человеческой цивилизации, когда были испробованы различные технологии воздействия на преступность (устрашение, публичные казни, ставка на неотвратимость, исправительная цель, «композиции» или практика материальных компенсаций и пр.), показал всю сложность объекта воздействия и скудные аппаратные возможности уголовного права. В силу этого адепты гуманитарного знания давно условились: поскольку преступность — социальное явление, то и влияние на нее должно быть общесоциальным.

Уголовное право есть всего лишь хирургический блок машины госуправления, сильно зависящий от состояния диагностических служб и первичной терапии общества, а потому не решающий болезненную социальную проблему кардинальным образом. Уголовное право несколько приглушает чувство неудовлетворенности людей уровнем защищенности от посягательств, но не избавляет от него полностью.

На всем протяжении истории попутно общественному прогрессу множились негативные оценки криминальных перспектив человечества, согласно которым:

— «преступление также вечно, как смерть и болезнь», а «наказание никогда не исчезнет»;

— «меры предупреждения никогда не победят преступности, точно также как величайшее развитие гигиены не победит смерти и болезней»¹;

— около 3–5% населения страны всегда будут составлять правонарушители, и никакие законодательные, организационные, превентивные, кадровые меры на ситуацию повлиять не смогут².

Как следствие, установка на непримиримую «борьбу с преступностью» постепенно меняется на минорное, пессимистическое «противодействие преступности».

¹ Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. СПб., 1900. С. 18.

² Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М.: Русский мир, 1997. С. 16.

Эти обстоятельства подвигают к выбору такого методологического подхода к уголовному праву, который выглядел бы как поиск и учет максимально возможного числа контактов (связей) уголовного права с окружающей средой (в том числе ранее не замечавшихся или оценивавшихся изолированно). Всё — с целью проверки регулятивно-охранительных возможностей уголовного права, причин изменения его содержания и структуры, для оценки перспектив сохранения его в качестве цельного объекта.

Vulgo, нужно заново посмотреть на уголовное право через призму среды обитания и попытаться объяснить его союзы с партнерами этой среды, его обновление под внешним давлением.

Это необходимо еще и по той причине, что уголовное право — одна из *последних* по технологии, по очередности управления общежитием отраслей права — это доказывается высокой бланкетностью уголовно-правовых запретов. То есть уголовное право — как бы *зависимая* минисистема — зависимая от других групп юридических предписаний и в первую очередь от норм конституционного, гражданского, административного права. Вместе с экономикой, преступностью, этнокультурой, языком, юридической практикой, наукой, политикой правящей элиты, международными стандартами и т. д. эти предписания образуют *внешнюю среду* уголовного права, под которую последнее вынуждено подстраиваться в целях самосохранения и решения собственных задач.

Именно поэтому продуктивное научное исследование уголовного права предполагает широкоформатный или координатный взгляд на него, когда размещение нашей отрасли в окружающей его среде и объяснение модификаций уголовного закона, а равно организация правоприменительной практики производятся через согласование сугубо отраслевых знаний, традиций и предпочтений с более важными ингредиентами социума. Такую возможность в современной мыслительной культуре способен предоставить прежде всего системный подход. С его помощью можно объяснять не только социально-детерминированное содержание УК, но даже его структуру и вообще эволюцию уголовно-правовых знаний. Только на его основе мы можем объяснить приспособление и выживание сильно зависимого от социальной среды уголовного права.

Уголовное право сохраняет свои идентификационные черты и функциональную результативность благодаря одновременному, но разновекторному давлению множества внешних детерминант и прочности ранее выработанных конструкций своего содержания. Способствует этому и момент сознания; ведь если в природе наблюдается *естественный гомеостазис*, то в обществе (социальных системах) — *управление* (Концепция национальной безопасности РФ, уголовное законодательство, научные Программы по борьбе с преступностью, текущая правоохранительная деятельность и т. д.).

Наконец, акцентировано назовем «тайную» закономерность сциентизма — первоначальное увлечение при изучении объекта только **одним исследовательским приемом**. Когда же возможности его эффективного применения исчерпываются либо начинают поставлять отрицательные примеры построенных на базе всего одной методики инженерных или управленческих решений, приходит вре-

мя вынужденного сопряжения нескольких гносеологических инструментариев в страховочные **пары** либо **союзы**.

По нашему мнению, нынешнее уголовное право подошло к порогу, когда прорывные результаты маловероятны при ставке на привычные одномерные познавательные технологии (которые пока приносят плоды и будут пользоваться в исследованиях порознь). Социальная эффективность отечественной доктрины может существенно повыситься от объединения:

— традиционных исторического и сравнительного методов в *исторический компаративизм*;

— классификационных решений с таким архивированием их результатов, которые будут легкодоступными для любых исследователей;

— теории криминализации с теорией эффективности уголовно-правовых средств;

— привычных для «жесткого» уголовного права принципов с почти неведомыми презумпциями или точками роста знаний;

— системных обзоров внешних зависимостей отрасли с ее структурными композициями.

Ответим ли мы на вызовы времени?

Выдвижением претензий занимаются многие, если не все; это — квазинорма. Не родился еще на свете криминалист, способный отказать себе в удовольствии посетовать на несовершенство Уголовного кодекса. Негативом переполнены публичные выступления ученых и тексты их публикаций, очень нелицеприятные оценки обыватели адресуют и власти, и нам — ученым. Посему закономерен билейский и примыкающий к нему вопрос: а кто будет собирать камни? Готова ли национальная доктрина решать выдвинутые авторами данного очерка задачи. Может ли она работать на будущее? Отвечаем суконным языком анкет современной социологии: скорее «нет», чем «да». И вот почему.

А. Изначально существует проблема достоверности гуманитарной науки вообще. Пока еще царствующие в современном мире англосаксы, например, почитают за «настоящую» науку лишь естествознание по тем причинам, что, во-первых, гуманитарий (в том числе и юрист) включен в исследуемый объект и потому теряет беспристрастность. Во-вторых, что у общественных наук нет постоянно работающей экспериментальной базы, отчего их мысли и предложения субъективны и даже отдают волюнтаризмом. В-третьих, что именно на обществоведов оказывается давление «сверху» в целях обеспечения социальной стабильности (от математиков, очевидно, даже при крайней уступчивости не добиться отказа от того факта, что «дважды два четыре»). Как следствие, обществознание представляется на Западе никчемной игрой в слова и дефиниции, набором ценностных суждений, результатом классификаторских упражнений, заведомо продажным знанием¹.

Как точно подметил П. Фейерабенд, развитие гуманитарной науки иррационально: новые теории побеждают старые не обязательно потому, что они ближе

¹ Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Иностранная литература, 1956. С. 529–534.

к истине, точнее и глубже отражают объективную реальность, а вследствие того, что они наиболее интенсивно (мы бы сказали, агрессивно — *Авт.*) пропагандируются их сторонниками¹.

Кстати, коллеги помнят, какое возмущение вызвал отказ от поиска истины по уголовным делам в тексте нового Уголовно-процессуального кодекса, какая шумная дискуссия была устроена представителями данной отрасли на страницах уважаемого журнала². Чуть позже устроили мозговой штурм по тому же вопросу и «уголовники» с криминологами — в стенах Академии Генеральной прокуратуры РФ по инициативе и под предводительством профессора А. В. Наумова. Разгорелись нешуточные страсти. Один из авторов настоящей статьи в своем выступлении попытался приглушить их следующими доводами:

1) что бы ни написал законодатель в УПК, без движения к истине (хотя бы в плане установления криминального события как факта) расследование, судебное разбирательство и научные комментарии по уголовному делу невозможны в принципе;

2) в нашем промысле истина не абсолютна, а релевантна (мы вынужденно ограничиваем поиск данных о криминальных происшествиях лишь небольшим числом типовых сведений, отраженных в снятом виде в признаках состава преступления, ибо другого пути нет);

3) стесняться и чураться этой данности не следует — если уж велико-разумные естествоиспытатели гением А. Эйнштейна изобрели теорию относительности, то на что рассчитывать нам, убогим поборникам гуманитарного знания;

4) пользуясь всего лишь релевантной истиной, мы всегда оправдаемся с помощью хитрой интерпретации текста³;

5) в нашей политически набожной стране на указанный объективный фон накладывается национальная специфика — жесткая опора на общегосударственную идеологию, когда нередко в качестве главного аргумента начинают рассматривать даже цитаты из выступлений официальных лиц. Всё это ограничивает индивидуальность исследователей и их творческий поиск, готовность вырабатывать оригинальные подходы к решению проблемы борьбы с преступностью.

Утонченное и одновременно емкое наблюдение на сей счет подарил нам известнейший набатный звонарь России: «Московский университет вырос в своем значении вместе с Москвою («разжалованной императором Петром из царских столиц») после 1812 года» в силу осознания народом «своей кровной связи» с городом «при вести о ее занятии неприятелем», а также благодаря историческому значению, (выгодному — *Авт.*) географическому положению и *отсутствию царя* (курсив наш, но с поправкой: лучше было бы написать об отсутствии многочис-

¹ Цит. по: Радугин А. А. Философия: курс лекций. М., 1998. С. 203.

² Библиотека криминалиста: Научный журнал. — 2012. — № 4 (5). — С. 5–288 (31 статья ведущих ученых России).

³ Известный пример подобного рода «интерпретации»: жених едет в купе поезда к своей невесте, но в какой-то момент с верхней полки свешивается симпатичная девичья ножка. Слово за слово с ее обладательницей, после чего оба сошли на ближайшей станции и сняли номер в гостинице. Невесте же была послана следующая телеграмма: «ехал к тебе, но подвернулась нога, лежу в постели гостиницы, обнимаю, целую». Что грешит против истины в этом послании?

ленной клиентелы, самим своим существованием препятствующей росткам живого знания — *Авт.*)»¹;

Б. Прагматичный рынок во всех странах, и Россия в этом смысле не исключение, гарантирует печальную судьбу фундаментальным наукам и тем представителям частных отраслей знаний, которые берутся за разработку стратегических проблем, а не тактических вопросов, ибо только усилия на втором направлении способны дать быструю отдачу. Инвестировать «в долгую» в состоянии лишь государство в форме грантов и стипендий, но это капля в море, а крупный бизнес большими временными периодами пока не мыслит. Вот и пробавляется большинство отечественных криминалистов поисками отличий кражи от грабежа да государственной измены от измены в семье, копошится в тексте Уголовного кодекса и наперебой комментирует мелкие поправки в него. Так «без драки можно попасть в большие забияки».

И пример для подражания есть: на заре Новой России многие были свидетелями высокомерного изложения банальностей заезжими криминологами из-за Атлантики. Результат на поверхности: желающие могут подсчитать долю диссертаций и постановлений Пленума Верховного Суда РФ по проблемам Общей части в сравнении с рассмотрением прагматичных вопросов Особенной части уголовного права. Сложно с таким багажом рассчитывать на квалифицированное разрешение стратегических проблем уголовного преследования.

Кто не помнит либо не верит — извольте подтверждение от гениального академика нашей страны (фрагмент из его лекции, прочтенной не где-нибудь, а в Ватикане): «Расцвет математики в уходящем столетии сменяется тенденцией подавления науки и научного образования обществом и правительствами большинства стран мира. Ситуация сходна с историей эллинистической культуры, разрушенной римлянами, которых интересовал лишь конечный результат, полезный для военного дела, мореплавания и архитектуры. Американизация общества в большинстве стран, которую мы наблюдаем, может привести к такому же уничтожению науки и культуры современного человечества»².

В. Состояние современной ученой юриспруденции, выражаясь канцелярским слогом, оставляет желать лучшего. Вот подборка иллюстраций печального положения дел:

— «Уголовно-правовая наука продолжает прирастать, главным образом, за счет усилий вузовских преподавателей, «замордованных» возрастающими объемами бюрократии и учебной нагрузкой. И оптимистических перспектив в этом направлении не просматривается. Корпусов для уголовно-правовых НИИ в наукоградах, увы, не запланировано, «криминологических коллаидеров» строить не собираемся»³;

— профессор Д. Ю. Шапсугов находит нынешний кризис юридической науки

¹ Герцен А. И. Былое и думы. М.: Детская литература, 1973. С. 116.

² Интервью с академиком В. И. Арнольдом // В защиту науки. — 2011. — № 5. — С. 68.

³ Щедрин Н. В. Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2018. — Вып. 40. — С. 323.

более основательным, чем прежние, требующим «смену парадигм правового мышления» и даже признания необходимости в новой отрасли знаний — плагиатоведения¹;

— дискредитация ученых степеней у юристов (и криминалистов не в последнюю очередь) не могла ни произойти хотя бы по количественным рекордам, уничтожающим новизну и уравнивающим обыденное знание с прежде привилегированной или истинной наукой (сравните: в 2017 году было защищено 46 докторских и 490 кандидатских диссертаций по юриспруденции или больше чем за 163 года в Российской империи!);²

— страна в части управления наукой столкнулась с серьезными кадровыми проблемами. Благодаря усилиям группы «Диссернет» дело дошло до того, что «сейчас уже героями являются не те, у кого есть диссертация, а те, у кого нет диссертации. Добавим к этому факт перехода к квантованию научных результатов посредством простимулированных к печати в зарубежных привилегированных журналах статей, что есть, по нашему мнению, вторая (после соросовских грантов) сейсмическая волна подобострастия перед Западом;

Г. Наука как ведущий элемент доктрины — это сегодняшний день, но будущее для всех этажей доктрины готовится в образовательных учреждениях. Здесь должны формироваться вкус к энциклопедичности, самостоятельность в выборе позиции, способность одновременно постигать теорию, законодательство и практику, а еще умение грамотно и завораживающе излагать мысли, желание быть индивидуальностью. Только на такой базе возможно квалифицированно поднимать и разрешать глубинные проблемы социума. В принципе, рассуждения по этому фрагменту можно было бы заменить отсылкой читателей к отменной аналитической статье, после прочтения которой абсолютно понятно, что в высшей школе за годы перманентных реформ местами надулся образовательный пузырь, с которым что-то надо делать³. Однако мы представим собственное видение проблемы, т. е. требований к процессу образования квалифицированных юристов (криминалистов).

Как известно, с определенного времени в отечественном высшем образовании введена двухуровневая система обучения, что диссонирует с тем, что в нашей стране и так существует многоступенчатый порядок подготовки и аттестации юристов (от выпускников вузов до докторов наук). Это новшество в первую очередь создало проблему с трудоустройством для бакалавров гуманитарных факультетов, в том числе юристов.

Юристу на роду написано обслуживать ВСЕ сферы жизни. Он должен знать закономерности экономики и культуры, медицины и быта, управления и досуга, говорить о них просто и захватывающе, не давая повода усомниться

¹ Шансугов Д. Ю. О научном содержании кризиса юридической науки и его околонаучных проявлениях // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2015. — № 1. — С. 117–119.

² См.: Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Библиографический указатель. Ставрополь: Сан-Сан, 1998. — 202 с.

³ Балацкий Е. Как из высшего образования в России раздули пузырь // <http://kapital-rus.ru/articles/article/266318> (дата обращения: 18.11.2014).

в солидном запасе знаний и представлений, являемых в лексическом многообразии речи. Юрист — общественный организатор, оратор, вожак, дирижер любых присутствий, способный даже обуздать озлобленную толпу. Он — тот, кто объяснит, увлечет, свяжет возмущение обывателей неотразимыми аргументами, убедит в пристойности любых административных решений, обратит в свою веру, — в общем, оправдает ядовитую поговорку: по суду и скорпиона приятно проглотить.

Эти ожидания предполагают значительную долю аудиторных занятий в общем бюджете времени, выделяемом на освоение профессии; ежедневный тренинг публичной речи, что достигается только на лекциях и семинарах, но никак не посредством модернистской «фанеры» — презентаций, тестов, дистанционных форм обучения. Сегодня же всё обстоит с точностью до наоборот: «сверху» навязываются одинаковые дидактические приемы независимо от специфики специальностей. Хотя, на наш взгляд, даже стороннему наблюдателю должно быть ясно — нельзя всех стричь под одну гребенку: есть разница между подготовкой юриста и филолога.

Если мы не вернемся к традиционным (аудиторным, соревновательным, групповым, контактными, живыми) формам трансляции знаний от преподавателя к студентам при условии их участия в разговоре и непосредственного восприятия информации, на вузовских кафедрах опять появятся «заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только изрядно приспособившись к ним» (А. П. Чехов), а выпускники-адвокаты станут вызывать «косноязычием смех даже у (своих — Авт.) подсудимых»¹.

Но главная беда существующей системы высшего образования — в непомерных объемах отчетности и документооборота. На этом фоне кафедры, которые прежде благозвучно величались и фактически были «основным звеном вуза», то есть занимались делом или непосредственным производством молодых специалистов, постепенно превратились в канцелярии. Очевидно, что растущие масштабы бумажного «творчества», постоянное обновление отчетных форм, сокращение сроков предоставления запрашиваемой информации закономерно и неминуемо ведут в тупик. Ведь преподаватели будут вынуждены жертвовать тем, о чем с них спрашивают менее всего, — качеством преподавания и глубиной проработки лекционного материала.

Ситуация с юридическим образованием в настоящее время настолько печальна, что авторы испытывают значительные трудности не то что с цитированием, но даже с отбором показательных публикаций в силу их огромного числа и различной тональности — игривой, предупредительной, настороженной, гневной, эзоповой, традиционно критической (с разбором аргументов или документальных свидетельств). Так, судья Конституционного Суда РФ обеспокоен тем, что осуществляемые «под благими лозунгами модернизационные процессы и реформы могут вступить в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, привести к утрате достигнутого» на этом

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. М.: Юрид. литература, 1988. С. 26.

направлении¹. Д. Б. Сандаков представил как уже якобы реализованную в России «Программу разрушения системы высшего образования» из семи пунктов (снижение творческой мотивации педагогов, подрыв авторитета педагогов, бюрократизация учебного процесса, либерализация учебного процесса, разрушение интеллектуальной сферы, подбор «руководящих» кадров и маскировка Программы ее вдохновителями и реализаторами)². Группа известных в России юристов выпустила обстоятельное пособие по феномену плагиата³, другие анонсируют некое «обрезание» высшей школе⁴, названия книг профессора Г. В. Назаренко, пользующегося псевдонимом (по-современному — «ником»), говорят сами за себя⁵.

Неужели в этом случае мы имеем дело с продолжением вузовских традиций Отечества? Вы будете удивлены, но вполне возможно. И за примерами далеко ходить не придется:

— отечественный баснописец: «Полезно ль просвещение? Полезно, слова нет о том, но просвещением зовем мы часто роскоши прельщенье и даже нравов развращенье»⁶;

— знаменитый писатель: «Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это, и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это»⁷;

— премьер-министр и граф России: «Известно, что как тогда, так и теперь юридический факультет — это такой факультет, на котором менее всего можно заниматься»⁸.

Хлестко, красиво, забавно, но наверняка с завышением негатива, хотя с колокольни признанных авторитетов интеллекта это допустимо. Однако не верится нам, горемыкам современности, чтобы во времена, когда всего-то региональный инспектор училищ учебных округов (а не сановный министр образования!) создал «Толковый словарь национального языка» из 11 тыс. статей, обширное и бесценное собрание типичных выражений («Ходячие и меткие слова») на семи языках, двухтомник «Русской мысли, речи и фразеологии», несколько учебников по филологии и языкознанию, руководство для старшеклассников — *o tempora,*

¹ Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М.: Юрист, 2013. С. 15.

² Сандаков Д. Б. Как развалить систему образования: диверсионная программа // <https://obrazovanie.by/sandakov/kak-razvalit-obrazovanie.html> (дата обращения: 18.08.2021).

³ Шахрай С. М., Аристер Н. И., Тедеев А. А. О плагиате в произведениях науки (диссертациях на соискание учёной степени): научно-методическое пособие. М.: МИИ, 2014. — 176 с.

⁴ Бараков В. Высшей школе готовят обрезание // URL: http://www.rospisatel.ru/barakov-vsh.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.12.2018).

⁵ Хуторянин Евгений. Фальшивое золото высшего образования: Сатирическая проза. СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. — 112 с.; *его же*. Миражи высшего образования. Орёл: Салон оперативной полиграфии, 2018. — 128 с.

⁶ Крылов И. А. Басня «Червонец» // URL: <https://ilibrary.ru/text/2175/p.19/index.html> (дата обращения: 17.08. 2021).

⁷ URL: <https://zen.yandex.ru/media/bookshop/7-genialnyh-citat-lva-tolstogo-kotorye-vechny-5c3f4d6cefcbd000a9ce38af> (дата обращения: 20.01.2019).

⁸ Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М.: Мысль, 1991. С. 421.

о *mores!* — по переводам с французского языка на русский и обратно, перевел на иностранные языки творения А. В. Кольцова, И. А. Крылова, И. И. Хемницера и других отечественных писателей¹.

Лирическое отступление

Одному из авторов публикации студенты нередко задают «убийственный» в своей праведности (так им кажется) вопрос: почему им (студентам) строго воспрещается пользоваться на экзамене текстом Уголовного кодекса РФ?

В качестве объяснения приходится обращаться к истории. Так, до 1917 года на юридических факультетах российских университетов и в императорских училищах правоведения курсовые (в нынешнем понимании) экзамены по уголовному праву производились по несколько часов подряд для каждого испытуемого, причем на русском, латыни и пяти основных европейских языках. Экзаменовала «студизусов» в то время целая комиссия из нескольких ординарных профессоров и приват-доцентов. Придирчивое жюри проверяло знания в области законодательства зарубежных стран, осведомленность о постановлениях кассационных департаментов Правительствующего Сената и уровень знакомства с основными монографиями (не учебниками!) по специальности. И экзаменуемые при этом могли иметь на столах во время подготовки громоздкие фолианты Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (позже — просто Уголовное уложение). Ныне же преподавание предмета на базовых уровнях обучения практически сводится к изучению закона, причем неудовлетворительные оценки не в чести — ведь это косвенное признание невысокого уровня учебного процесса...

Понятное дело, после такой отповеди те, кто задавал «каверзный» вопрос, вздыхают и с унылым видом соглашаются с приговором.

Рассуди, читатель: сумеет ли грядущая смена юристов решать сложнейшие в профессиональном, нравственном и интеллектуальном смыслах проблемы уголовно-правового регулирования?

Послесловие или преступно краткий и сугубо индивидуальный дижестив

В качестве завершающего аккорда авторы решили предложить на суд взыскательного читателя несколько забористых и многогранных высказываний, содержащих мыслительный экстракт разных людей разных эпох:

— девственность не предписывается, а всего лишь рекомендуется (апостол Павел);

— нет лавки, в которой бы продавался ум (русская премудрость XVII века);

— нельзя научиться хотеть (ироничная отповедь европейских просветителей социальным нигилистам и великосветской «обломовщине»);

— юрист — это человек, который делает себя сам (заповедь американцев);

¹ Речь идёт о *Морице Ильиче Михельсоне* (1825–1908 гг.), выдающемся российском лингвисте и педагоге, собирателе и толкователе национальной фразеологии, писателе, энциклопедисте, авторе нескольких учебников, государственном деятеле, просветителе и попечителе бесприютных детей.

— «авось, доживу я до светлого дня; авось, в книжной лавке повесят меня» (эпиграф одного из авторов данной статьи к готовящейся к изданию книги).

И напоследок... На знаменах крестьянских восстаний средневековой Европы были начертаны слова «Смерть докторам права!» Вот так: доцентов, ассистентов и аспирантов — не трогать, а докторов юридических наук — пожалуйста!

Отчасти поэтому некоторые профессоры-юристы, особенно в беседах с незнакомыми людьми, стараются не акцентировать внимание на своей специальности, и уж тем более не выпячивать свою «остепененность». Но среди коллег по цеху решиться на откровенные рассуждения о связи прошлого, настоящего и будущего, согласитесь, намного проще. *Sapienti sat*¹.

Boiko A. I.

*Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines
South Russian Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don*

Sashenko A. A.

*Lecturer, South Russian Institute,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don*

THE PAST AND THE FUTURE OF THE RUSSIAN CRIMINAL AND LEGAL DOCTRINE

This article discusses the evolution of the Russian criminal and legal ideas in light of the Russian criminal law experts' capabilities to competently solve topical and at the same time important social issues. The author considers connections between the past, the present and the future in the context of the criminal and legal doctrine; he discloses the content, composition and peculiarities of the latter. In the author's view, there exist quite a number of new problems that have arise in the criminal and legal regulation of today. These are to be solved by those who study legal sciences at the universities of Russia these days.

Key words: criminal law doctrine; history of criminal law; problems of contemporary criminal science; future; doctrine; present; law; the past; science; practice; theory.

---

¹ Умный поймет — лат.

УДК 343.1(075.8)

Ратьков А. Н.,

© 2021

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

МЕСТО ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Автор обосновывает вывод о том, что в настоящее время прокурор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства не осуществляет уголовное преследование. Предоставленные ему на этом этапе производства по уголовному делу полномочия полностью входят в содержание надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. При этом принадлежащие прокурору определенные полномочия требуют своего пересмотра.

Ключевые слова: прокурор; уголовное преследование; надзор; дознание; предварительное следствие.

В январе 2022 года прокуратура Российской Федерации будет отмечать свое 300-летие. За прошедшие триста лет, казалось бы, все принадлежащие прокуратуре функции должны были пройти проверку временем, обрести четкость и ясность в формальном и содержательном плане. Но, касаясь содержания деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса, такого вывода сделать нельзя.

Обратившись к действующей редакции Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре, Закон), можно увидеть, что в нем по-прежнему в качестве одного из основных направлений деятельности прокуратуры закреплено осуществление уголовного преследования, а одним из видов прокурорского надзора является надзор за органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие (ч. 2 ст. 1 Закона). При этом и в первом, и во втором случаях в Законе разъясняется, что реализуются предоставляемые прокурору полномочия в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Таким образом, прежде всего, согласно Закону о прокуратуре, в интересующей нас сфере прокурор выполняет две процессуальные функции: уголовного преследования и надзора за осуществлением соответствующими органами дознания и предварительного следствия.

Что касается надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, то в Законе наличествует глава 3 с аналогичным названием (не считая еще и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в ст. 29 которой определен в общих чертах предмет

этой отрасли надзора, а в ст. 30 содержится уже упоминавшаяся отсылка к УПК РФ, в соответствии с которым и устанавливаются в этой части полномочия прокурора.

Применительно же к содержанию уголовного преследования в действующей редакции Закона есть только ч. 2 ст. 35, где сказано, что, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Чем должен заниматься прокурор, осуществляя уголовное преследование до суда, то есть на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в Законе не разъясняется. Его авторы вообще не назвали никаких конкретных действий, составляющих содержание этих полномочий и не сделали никаких пояснений относительно содержания уголовного преследования, осуществляемого органами прокуратуры до судебного разбирательства. Нет в Законе и каких-либо критериев, позволяющих разграничить прокурорское досудебное уголовное преследование и надзор за органами расследования. Отсюда и бытующие противоположные взгляды специалистов на сущность этих направлений деятельности прокурора. «Исходя из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, а прокурор причислен к одной из противоположных сторон (п. 47 ст. 5 УПК РФ), — замечает известный процессуалист С. А. Шейфер, — представляется убедительным взгляд, согласно которому единственной функцией прокурора в уголовном процессе является уголовное преследование; осуществление же им надзорных полномочий — это способ или форма реализации этой функции на досудебном производстве (в суде такой формой становится государственное обвинение)» [6].

К. Амирбеков, комментируя изменения законодательства в связи с образованием Следственного комитета РФ, пишет обратное: «С этого времени прокуратура России не осуществляет функцию непосредственного обвинения и уголовного преследования в досудебном производстве, а только надзирает за соблюдением требований закона при осуществлении уголовного преследования органами следствия и дознания» [1].

Не касаясь уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде, с чем всегда существовала ясность, попытаемся разобраться в сущности двух обозначенных процессуальных функций прокурора на досудебных стадиях.

Под уголовным преследованием в УПК РФ понимается «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ). В этой связи автору данной статьи ранее, еще до изменений уголовно-процессуального законодательства в 2007 году, доводилось обосновывать вывод о том, что сущность уголовного преследования прокуратуры в досудебном производстве заключается лишь в праве органов прокуратуры производить расследование уголовных дел о преступлениях своей подследственности и ни в чем более. Все остальные полномочия прокурора являют собой суть надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие [2]. Тогда, да и сейчас, этот довод подтверждался и подтверждается как самим Законом в прежней редакции, комментариями к законодательству о прокуратуре, так и разъяснениями в учебной литературе того времени, где содержание досудебного уголовного пре-

следования, осуществляемого прокуратурой, раскрывалось лишь через следственную деятельность или следователей прокуратуры, или самого прокурора¹.

Для иллюстрации такого вывода обратимся к Закону «О прокуратуре РФ» в прежней редакции. Раскрывая содержание уголовного преследования на досудебных стадиях производства по уголовному делу, в статье 31 Закона четко разъяснялось: «Осуществляя уголовное преследование, органы прокуратуры проводят расследование по делам о преступлениях, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к их компетенции» [3]. И всё! Ничего более в существовавшей ранее норме к этой функции не относилось. После вывода следователей из подчинения прокурора, статья 31 из Закона «О прокуратуре» была исключена [4]. Создание независимого Следственного комитета РФ еще более отделило прокуратуру от той функции, которая выражает суть уголовного преследования на досудебных стадиях — самостоятельное осуществление предварительного расследования в форме предварительного следствия, в процессе которого и происходит изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Прокурор при этом выполняет важную функцию надзора за законным и обоснованным уголовным преследованием, но не само уголовное преследование.

В настоящее время, когда существенно пересмотрены и другие полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, говорить об уголовном преследовании, осуществляемом прокуратурой на этапе предварительного расследования, как представляется, нет оснований. Осмелимся заверить, что сегодня прокуратура не осуществляет уголовного преследования на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В процессе досудебного производства все предоставленные прокурору полномочия охватываются содержанием его деятельности в рамках осуществления надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

В этом убеждает и такая следующая формальность: статья 37 УПК РФ, определяя процессуальный статус прокурора, в части 2 закрепляет его полномочия в ходе досудебного производства, но при этом в ней об уголовном преследовании упоминается только в связи с деятельностью следственного органа или органа дознания. Пункт 2 части 2 этой статьи уполномочивает прокурора «выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства». То есть не сам прокурор осуществляет уголовное преследование, а он лишь просит органы следствия или дознания решить вопрос об этом и при наличии к тому оснований начать его.

В то же время, наделяя прокурора полномочиями в ходе судебного производства по уголовному делу, та же ст. 37 УПК РФ обязывает прокурора поддерживать

¹ См., например: Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» / под общ. ред. Ю. И. Скуратова. М.: НОРМА, 1996. С. 3; Прокурорский надзор: учебник для студентов вузов, для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. О. А. Галустяна, А. П. Кизлыка, А. В. Ендольцевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. С. 152–161.

государственное обвинение, а в предусмотренных законом случаях предоставляет право «отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения» (п. 3 и п. 4 ст. 37 УПК РФ). Здесь закон уже непосредственно к полномочиям прокурора относит обязанность осуществления уголовного преследования.

Таким образом, процессуальная функция уголовного преследования присуща деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, но реализуется она только в процессе поддержания прокурором государственного обвинения в суде. На досудебных стадиях производства по уголовному делу прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, то есть не само уголовное преследование, а надзор за его законным и обоснованным производством уполномоченными субъектами других правоохранительных органов.

В этой связи возникает вопрос о целесообразности отдельного выделения в Законе о прокуратуре такого направления деятельности, как уголовное преследование. Установлено, что это направление реализуется лишь в процессе участия прокурора в рассмотрении дел судами. Но Закон о прокуратуре отдельно указывает на то, что самостоятельным направлением деятельности прокуратуры как раз-таки и является участие прокурора в рассмотрении дел судами. Этому направлению деятельности посвящен специальный раздел с соответствующим названием (раздел IV), в котором конкретизируются полномочия прокурора при этом. В упоминавшейся ст. 35 из этого раздела закрепляется, в том числе, и содержание уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде. Зачем же еще раз «выпячивать», делать акцент именно на этом направлении деятельности прокуратуры, отдавая тем самым предпочтение именно уголовному виду судопроизводства.

Представляется, что исключение в ст. 1 Закона «О прокуратуре РФ» указания на наличие у прокуратуры такого основного направления деятельности, как уголовное преследование, будет способствовать правильному пониманию полномочий прокурора, уравнивает между собой значимость всех видов судопроизводства и будет соответствовать реальному закреплению компетенции прокурора при осуществлении им надзорной деятельности и участии в рассмотрении дел судами.

Современная надзорная деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса также не безоблачна и, по мнению целого ряда процессуалистов, требует совершенствования, которое бы определило более точное место прокурора в уголовном судопроизводстве. Например, представители Академии Следственного комитета Российской Федерации в полномочии прокурора по утверждению итогового процессуального акта — обвинительного заключения следователя — видят проявление обвинительного уклона, требующего от прокурора в этом случае направления всех своих сил в суде на «получение» обвинительного приговора вне зависимости от фактической доказанности обвинения. В качестве рецепта объективности вывода о доказанности обвинения ими предлагается передача права утверждения обвинительного заключения от прокурора руководителю следственного органа в соответствии с подследственностью и подсудностью. Про-

курор в этом случае, — отмечает и. о. ректора Академии СК РФ А. М. Багмет, — «независимо будет поддерживать государственное обвинение, а в случае отказа прокурора от поддержания обвинения в суде такое право необходимо предоставлять руководителю следственного органа»¹. Дополняет его другой представитель Академии СК РФ Ю. А. Цветков, утверждающий, что «... прокурорский надзор за следствием может стать объективным, а сама система — непротиворечивой тогда и только тогда, когда прокурор никоим образом не будет отвечать за конечный результат — за приговор. В противном случае этот надзор всегда будет направлен на то, чтобы минимизировать риск вынесения оправдательного приговора (путем блокирования направления в суд сложных с точки зрения доказывания уголовных дел), либо на то, чтобы всеми правдами и неправдами добиться вынесения обвинительного приговора, если дело находится в суде» [5].

Ранее свои доводы об устранении в целом прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование, уже высказывали Е. А. Киреева и И. С. Федотов². Е. А. Киреева, например, результат своих рассуждений о соотношении объема надзорных полномочий прокурора и содержания процессуальной самостоятельности дознавателя формулирует в форме вопроса: «Не стоит ли оставить прокуратуре функции надзора за соблюдением законности и поддержания государственного обвинения в суде, а дознавателей избавить от лишней процессуальной зависимости?»³.

Вряд ли своевременным будет выглядеть полное устранение прокурорского надзора за органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, но то, что определенные полномочия прокурора при этом виде надзора нуждаются в совершенствовании, на наш взгляд, очевидно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амирбеков К. Развитие обвинительной функции прокуратуры России в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Законность. — 2012. — № 6. — С. 67.
2. Ратьков А. Н. Содержание уголовного преследования, осуществляемого прокуратурой в процессе досудебного производства // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы: сб. статей Второй международной конференции. Омск, СИБИТ, 2007. Ч. 2. С. 245–251.
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». М.: ЭЛИТ, 2004. С. 15.

¹ Багмет А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. — 2013. — № 12. — С. 57–60; Он же: О мерах по оптимизации полномочий следственных подразделений // Российская юстиция. — 2015. — № 1. — С. 22–27.

² Киреева Е. А. Проблемы отсутствия процессуальной самостоятельности дознавателя // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменениями уголовно-процессуального законодательства: Матер. межвуз. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2008. С. 145–149; Федотов И. С. Значение изменения процессуального статуса участников уголовного судопроизводства // Вестник № 1. Воронеж: Ин-т МВД России, 2008. С. 33–35.

³ Киреева Е. А. Указ. соч. С. 148.

4. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ.
5. Ю. А. Цветков. Реорганизация обвинительной власти: приднестровский эксперимент // Уголовное судопроизводство. — 2015. — № 1. — С. 47–54.
6. Шейфер С. А. Новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве и практика их применения. Материалы науч.-практ. конференции // Юридический консультант. — 2008. — № 5. — С. 10.

Rat'kov A. N.

*Associate Professor of the Department of Criminal Disciplines
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Law, Associate Professor*

THE PLACE OF THE PROCURATOR AT PRE-LITIGATION STAGES OF THE CRIMINAL PROCEDURE

The author proves a conclusion that the procurator fails to exercise criminal prosecution at the pre-litigation stages of the criminal procedure of today. The powers confirmed to him at this stage of criminal proceedings completely correspond to the content of control of law enforcement by those bodies exercising inquests and preliminary investigations. At the same time those definite powers given to the procurator need their revision.

Key words: procurator; criminal prosecution; control; inquest; preliminary investigation.

УДК 343.13

Эмексузян Р. Р.,

© 2021

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
кандидат юридических наук

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается реализация принципа состязательности в рамках досудебной стадии уголовного процесса, а также статус участников уголовного судопроизводства в контексте их процессуальных прав. Автор указывает на неоднородность реализации состязательных начал на разных стадиях уголовного процесса. В частности, в статье приводятся рассуждения о существенных ограничениях действий стороны защиты на этапе предварительного расследования и дается обзор научных взглядов на существующее положение дел. Авторская позиция основывается на необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в России в целях расширения демократических начал в сфере отечественного правоприменения и обеспечения полноценной защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное производство.

Ключевые слова: принципы судопроизводства; состязательность сторон, равноправие сторон; участники уголовного судопроизводства; досудебная стадия уголовного процесса.

Принцип состязательности в рамках уголовного процесса — один из краеугольных камней современной концепции отечественного правосудия, зафиксированный в Конституции РФ (ч. 3 ст. 123). В ходе проведенных в начале 2000-х гг. преобразований судебной системы в РФ состязательность, сопряженная с принципом равноправия сторон, ознаменовала переход от бытовавшего в прежний период истории «инквизиционного», обвинительного типа судопроизводства (в рамках которого адвокат выступал в роли второстепенного и зависимого участника уголовного процесса), к правосудию, построенному на демократических началах. Отныне лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, получило гарантии защиты своих прав и законных интересов. А к существенным началам уголовного процесса в России, согласно УПК РФ, теперь относились не только необходимость установления истины, установление всех аспектов совершения преступления и справедливое наказание виновных, но также и реальная защита невиновного от осуждения.

В общем случае состязательность, как одна из базовых характеристик судопроизводства, предполагает юридическую полемику, спор оппонированных друг другу сторон (стороны защиты и стороны обвинения) в рамках уголовного про-

цесса. Этот спор в формальном плане представляет собой систему взаимосвязанных процессуальных действий и направлен на обоснование требований каждой из сторон в целях оказания содействия судебному органу в принятии законного и обоснованного решения.

Несмотря на прошедшее с момента старта судебной реформы немалое время состязательность, как движущая сила уголовного судопроизводства в России, ещё находится на начальном этапе своего развития, что объясняет заметное расхождение декларируемой (подразумеваемой) эффективности от реализации этого процессуального принципа с фактическим положением дел.

Согласно ст. 15 УПК РФ, состязательность в рамках судопроизводства должна обеспечиваться, во-первых, разграничением базовых функций уголовного процесса — функций защиты, обвинения, а также разрешения уголовного дела, а, во-вторых, уравниванием в процессуальных правах всех сторон, задействованных в уголовном судопроизводстве. При этом суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты и не является субъектом уголовного преследования.

Углубляясь в смысл, заложенный ч. 4 ст. 15 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что именно равенство сторон по своему правовому статусу служит стержнем и определяющим критерием состязательности как таковой.

Особый интерес в этой связи представляет собой фигура адвоката (защитника) как главной силы, стоящей на страже одного из фундаментальных конституционных принципов — прав и свобод человека.

Казалось бы, в рамках формулы, предполагающей состязательность и равноправие в судопроизводстве, защитник обретает почти безграничные возможности в отношении защиты прав и законных интересов своего подопечного — он может на равных с обвинителем оспаривать приведенные доводы и утверждения, давать собственную интерпретацию фактам, обосновывать справедливость своей позиции.

Но, как известно, сферу современного российского правоприменения исчерпывающе характеризуют толстовские строки о том, что «гладко было на бумаге, но забыли про овраги, а по ним ходить...». Равноправие, а с ним и состязательность в уголовном процессе с огромным трудом сегодня проторяют себе дорогу в практике судопроизводства. Наибольшие дебаты у правоведов вызывает неравномерность отправления принципа состязательности на разных стадиях уголовного процесса. В частности, в данной статье мы сосредоточим внимание на досудебной стадии, и даже конкретнее — на этапе предварительного расследования.

Говоря о роли и месте стороны защиты в рамках предварительного расследования в контексте темы, обозначенной в названии данной статьи, мы задаемся вопросом: насколько соотносимы границы полномочий и компетенции у защитительной и обвинительной стороны в рамках уголовного процесса и в каком объеме эти полномочия могут быть реализованы на практике?

Актуальность именно такой постановки вопроса объясняется тем, что УПК РФ в основном рассматривает взаимоотношения стороны обвинения и стороны защиты в контексте судебного производства. В то же время ещё в 2000-м году, до вступления в действие УПК РФ, в котором правовой статус защитника получил новое звучание, Конституционный Суд РФ высказался в пользу того, что состяза-

тельность касается всех стадий уголовного процесса [1]. Это утверждение со временем породило бурную полемику в исследовательской среде. Причем наиболее острые дискуссии разгорелись как раз в отношении понимания статуса защитника в рамках предварительного расследования. Ведь что же получается: коль скоро защитник имеет равные права с обвинителем, то и к предварительному следствию, целью которого является определение элементного состава преступления и его обстоятельств, защитник по закону имеет столь же свободный доступ, то есть он, по идее, может инициировать его и осуществлять. Но тогда требуется сформулировать ответы на следующие вопросы:

- какие задачи решает адвокат в рамках предварительного следствия?
- каковы доступные защитнику инструменты и способы осуществления принципа состязательности на досудебной стадии уголовного процесса?
- существует ли какой-либо процессуальный регламент у действий защитника в этой связи?
- каков алгоритм трансфера результатов деятельности защитника из досудебной стадии в судебную?

К сожалению, многие вопросы из этого перечня не урегулированы законодательством, что снижает эффективность защитительной деятельности в целом, ущемляет ее потенциальные возможности по отношению к стороне обвинения и порождает ряд практических проблем в рамках уголовного судопроизводства. Таковой, к примеру, является проблема приобщения доказательств, полученных стороной защиты при осуществлении своих полномочий.

Известно, что любые сведения, представленные защитником, обретают законную силу лишь в случае приобщения их к делу следователем, который, таким образом, на стадии предварительного следствия имеет более широкие полномочия, нежели адвокат. Выходит, что адвокат наделен правом аккумулировать и представлять доказательства, но их юридическая инициация от него (как, вообще говоря, равноправного субъекта уголовного процесса) не зависит.

Правоведы, поддерживающие такое урезание прав защитника на досудебной стадии, утверждают, что параллельное расследование в случае его легализации приведет к неоправданной избыточности следственных действий и к хаосу в формировании доказательственной базы [2]. Возможно, это и так, но принцип на то и принцип, чтобы представлять собой безусловный императив!

Ряд теоретиков идут в своих рассуждениях ещё дальше — они вообще ставят под сомнение целесообразность равноправия представителей обвинения и защиты на досудебной стадии уголовного процесса, утверждая, что коль скоро следственные действия представляют собой «автоматическую реакцию» государства на совершение преступления, а адвокат подключается лишь при появлении в деле обвиняемого (подозреваемого), то и сторона обвинения на этапе предварительного следствия должна иметь приоритет. Так, профессор Ю. А. Ляхов в своем учебнике указывает на тот факт, что стороны обвинения и защиты равноправны только перед судом [3], а на досудебной стадии его (равноправия) быть в принципе не может.

С другой стороны, есть вполне оформившаяся в отечественной юриспруденции позиция, согласно которой процессуальное равенство на досудебной ста-

дии уголовного производства все же может иметь место, только его нужно иначе интерпретировать — как *a priori* предоставление обвиняемому (подозреваемому) права на защиту; как предоставление обеим сторонам права ходатайствовать об исключении доказательств, а также как доступ к институту обжалования любых действий и решений органов, ведущих предварительное следствие [4].

Есть и вовсе оригинальные подходы к пониманию феномена равноправия сторон: утверждается, что о равноправии на досудебной стадии совершенно не может идти речь по причине... подчиненного положения стороны обвинения. Такой взгляд в своей статье аргументирует А. Н. Ратьков. Он поясняет, что, если рассматривать широту охвата прав обеих сторон на этапе предварительного расследования, то оказывается, что, скажем, в контексте направления дела в суд для рассмотрения по существу по итогам предварительного расследования, очевидный перевес в правах имеется у адвоката, а сторона обвинения в этом отношении имеет гораздо больше обязанностей, чем прав. Ведь при окончании расследования в форме дознания «... обвиняемый и его защитник ещё до приобретения обвинительным актом или обвинительным постановлением юридической силы... уже полностью знакомы с доказательственной базой обвинения» [5].

Такое многообразие позиций в юриспруденции, разумеется, обусловлено рассмотрением проблемы с разных сторон, а также недостаточной урегулированностью целого ряда моментов, связанных с реализацией принципов состязательности и равноправия в контексте уголовного процесса; пробельностью нормативно-правового обеспечения и в целом несовершенством уголовно-процессуального законодательства.

Так можно ли в этих условиях говорить о реальной состязательности и реальном равноправии на досудебной стадии уголовного процесса, и, в частности, на этапе предварительного расследования?

Думается, что в настоящее время состязательность ещё находится в зачаточном состоянии. На это указывает практика широкой поддержки судебными органами действий обвинителя; предпринимаемые судами усилия по недопущению исключения из доказательственной базы, сформированной предварительным следствием, материалов, в отношении которых защита обоснованно ходатайствует об исключении из дела. Да и удельный вес оправдательных приговоров по отношению к обвинительным в отечественной судебной практике говорит о том, что «обвинительный кулак», занесенный над подсудимым и стороной защиты, которая лишена возможности собирать доказательства, преобладает во всех отношениях [6].

Конечно, можно сослаться на то, что сведения, полученные адвокатом в рамках собственной «следственной» деятельности, при прочих равных подпадают под определение «иные документы», которые по закону могут претендовать на статус источника доказательства — ведь получены они правомочным лицом (адвокатом) законным путем; их происхождение однозначно установлено и проверяемо; они удостоверены подписью автора или заверены печатью учреждения [7]. Но, повторимся, решение о том, приобщать доказательства к делу или нет, принимает все же следователь. А следователь и дознаватель, в свою очередь, через посредство сложного бюрократического механизма, являются фигурами, определенно

зависимыми от прокурора. На практике это означает, что сторона защиты, чья самостоятельность декларируется как необходимое и достаточное условие состязательности в контексте уголовного процесса, вынуждена обращаться с ходатайствами, по сути, к оппонирующей стороне!

Каким же может быть выход из данной проблемной ситуации?

Во-первых, как указывалось выше, давно уже назрела и перезрела задача подробного описания и нормирования понятия принципа состязательности и регламентации практики его применения на всех стадиях уголовного процесса. Здесь, разумеется, — слово за законодателем.

Во-вторых, представляется разумным опереться в вопросе уравнивания сторон уголовного процесса на эффективный зарубежный опыт. Так, во Франции давно и успешно действует так называемый следственный суд, который ориентрован именно на судебный контроль за соблюдением конституционных прав личности. На наш взгляд, введение в отечественную практику судопроизводства фигуры следственного судьи, который в равной мере оказывает содействие всем сторонам уголовного процесса в сборе и организации судебных доказательств, будет способствовать достижению разумного баланса между защитой и обвинением.

В-третьих, исходя из явной ущербности прав адвоката на этапе предварительного расследования, возможно, имеет смысл предоставить защитнику более широкий доступ к обвинительным доказательствам следствия с момента предъявления обвинения.

В-четвертых, ряд российских ученых-правоведов не без оснований предлагают рассмотреть перспективы включения в правовое поле института адвокатского расследования. Такая новация, очевидно, способна вдохнуть новую жизнь в отечественную защитительную практику.

Иными словами, в настоящее время уже предельно остро обозначилась необходимость дальнейшего движения по пути реформирования уголовно-процессуального законодательства в России, и, прежде всего, в части обоснования форм и способов включения стороны защиты в формирование доказательственной базы, а также создания специальной судебной площадки для разрешения спорных ситуаций между участниками уголовного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление КС РФ от 14.02.2000 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ч. 3-й, 4-й и 5-й ст. 377 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2000. — № 3.
2. Божьев В. П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовный кодекс. — 2000. — № 1. — С. 47–55.
3. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под ред. Ю. А. Ляхова. Ростов н/Д: Академлит, 2008.
4. Комментарий к УПК РФ / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М.: Юрист, 2002.
5. Ратьков А. Н. Соблюдение принципа состязательности на этапе окончания предварительного расследования // Государство, право и общество: вопросы теории

- и практики. Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции (г. Сочи, 7–8 февраля 2020 г.): сб. статей / отв. ред. В. И. Скрябин. Ростов н/Д: Профпресслит, 2020. С. 461.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Н. Башкатов, Б. Е. Безлепкин [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 9.
7. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистратуры / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 270.

Emeksuzyan R. R.

Cand. Sc. Law, Sochi branch of RUDN University, Sochi

ADVERSARIAL PRINCIPLE AT THE PRE-LITIGATION STAGE OF A CRIMINAL TRIAL:
AREAS OF CONCERN IN UNDERSTANDING AND IMPLEMENTATION

The article scrutinizes the way the adversarial principle is implemented at the pre-litigation stage of a criminal trial, as well as the status of the criminal procedure participants within the context of their procedural remedies. The author points out heterogeneity of implementation of principles of controversy at various stages of a criminal trial. Thus, the article contains speculations on significant limitations of defense's activities at the pre-trial investigation stage and offers a review of theoretical opinions on the existing state of affairs. The author's attitude is based on the necessity of further improvement of Russian criminal procedure legislation with the aim of expanding the democratic principles in law enforcement of Russia and provision of full-fledged protection of rights and legal interests of those people involved in criminal proceedings.

Key words: principles of law proceedings; adversariality of the participants, equality of the participants; participants of the criminal procedure; pre-litigation stage of a criminal trial.

УДК 343.241

Арефинкина Е. Г.,

© 2021

заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СПЕЦИФИКЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблематика индивидуализации наказания в действующем законодательстве и практике, дается авторское определение данному понятию, а также рассматривается данный правовой институт через призму правового режима.

Ключевые слова: преступление; уголовный закон; наказание; индивидуализация; правила назначения наказания; справедливость наказания.

В российской уголовно-правовой науке индивидуализация наказания традиционно рассматривается как один из принципов уголовного права. В свое время И. И. Карпец дал следующее определение указанному понятию, которое стало базовым в уголовно-правовой доктрине советского периода и с некоторыми оговорками используется исследователями российской уголовно-правовой теории по сей день: «Индивидуализация наказания — принцип, заключающийся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, который позволяет посредством наказания добиться в конечном счете исправления и перевоспитания преступника, а также предупредить совершение новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами» [6, с. 10].

Нужно отметить, что проблематика индивидуализации наказания не сводится исключительно к назначению судом наказания при вынесении обвинительного приговора. До вынесения приговора преступление расследуется правоохранительными органами. В процессе расследования определяются роли каждого лица, виновного в совершении преступления, анализируются их личности, цели и мотивация преступной деятельности, выясняются отягчающие и смягчающие обстоятельства и т. п. В результате всех этих действий ответственность индивидуализируется, что впоследствии становится базой для индивидуализации наказания уже в суде и назначения наказания, соответствующего как тяжести совершенного деяния, так и виновности подсудимого.

Вслед за вынесением приговора наступает следующая стадия — исполнение наказания. На этом этапе индивидуализация наказания также играет важную роль. Необходимость обеспечения соответствия между наказанием в стадии его исполнения и особенностями личности преступника, тяжестью совершенного им

преступления имеет важнейшее значение для исправления лица, совершившего преступление, помогает осознать виновному лицу упречность своего поведения.

Индивидуализация наказания тесно переплетена с целями наказания. Поэтому принцип индивидуализации наказания является своего рода залогом применения наказания в соответствии с его предназначением. Он исходит из тех функций наказания и целей, которые на него возложены законом. Без индивидуализации невозможно назначение наказания, которое соответствовало и преступлению, и обстоятельствам его совершения, и личности преступника. Без индивидуализации наказания целей наказания достичь невозможно. На определенном этапе индивидуализация наказания перерастает в индивидуальное наказание, которому присущи все цели наказания.

Однако нельзя достичь целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений только лишь на этапе назначения наказания. Не случайно цели уголовно-исполнительного законодательства, закрепленные в ст. 1 УИК РФ, во многом повторяют цели наказания, а ст. 8 УИК РФ относит к принципам данного законодательства дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания. Таким образом, принцип индивидуализации наказания носит межотраслевой характер и распространяется как на назначение, так и на исполнение наказания. Как отмечал Н. А. Стручков, в процессе назначения наказания индивидуализация выражается в деятельности суда, определяющего вид и размер наказания, а индивидуализация в процессе исполнения означает, во-первых, изменение объема кары в зависимости от поведения осужденного, а, во-вторых, изменение интенсивности исправительного воздействия [7].

По верному определению А. И. Рарога: «Индивидуализация назначения наказания — это определение меры наказания, необходимой и достаточной именно для данного осужденного с учетом его личности и обстоятельств совершенного им преступления» [3]. По мнению автора, она обеспечивается соблюдением требования об учете следующих четырех факторов, указанных в ч. 3 ст. 60 УК РФ:

- 1) характера и степени общественной опасности совершенного преступления;
- 2) личности виновного, т. е. совокупности всех его социальных характеристик;
- 3) всех конкретных обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих наказание, относящихся как к совершенному деянию, так и к личности подсудимого;
- 4) влияния назначенного наказания на исправление осужденного (прогнозирование осуществления данной цели) и на условия жизни его семьи (возможные последствия в виде материальных затруднений семьи, безнадзорность несовершеннолетних детей и т. п.).

В целом поддерживая позицию А. И. Рарога, для полной реализации принципа индивидуализации назначения наказания, на наш взгляд, необходим также учет иных обстоятельств совершения преступления, указанных в Общей части УК РФ. Например, является ли совершенное преступление оконченным или неоконченным, совершено оно единолично или в соучастии, какова роль виновного в совершении преступления и др.?

Поэтому принцип индивидуализации назначения наказания можно определить как основополагающие уголовно-правовые идеи (требования), которые позволяют назначить меру наказания, необходимую и достаточную именно для данного осужденного с учетом его личности и всех обстоятельств совершенного им преступления, а также обеспечить восстановление социальной справедливости, исправление преступника и предупредить совершение новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами.

Несмотря на то, что принцип индивидуализации назначения наказания проходит красной нитью практически через каждую норму УК РФ, наиболее четко и полно он выражен в ст. 60 УК РФ, посвященной общим началам назначения наказания.

В литературе высказывалось мнение о тождественности понятий «принцип назначения наказания» и «общие начала назначения наказания» [2, с. 10]. Однако, по справедливому мнению С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, принципы и общие начала назначения наказания хотя и взаимосвязаны, но это самостоятельные категории уголовного права, находящиеся в определенном соотношении между собой и требующие отдельного рассмотрения [5]. Еще М. И. Бажанов отмечал, «было бы ошибочно утверждать, что принципы института назначения наказания воплощены в общих началах и только в них: они находят свое конкретное воплощение во многих нормах Общей части УК» [1].

Суд не столько может, сколько должен учитывать общие начала при назначении наказания по каждому уголовному делу. Поэтому общие начала назначения наказания не только закрепляют определенные принципиальные положения действующего уголовного законодательства, но и обязывают суд их учитывать.

Институт назначения наказания играет важную роль в обеспечении безопасности личности, общества и государства. Он выполняет двоякую миссию. С одной стороны, назначение наказания лицу, совершившему преступление, должно оградить социум и отдельных граждан от дальнейших преступных деяний этого лица. С другой, назначая наказание, суд устанавливает, какой вид и размер его будет достаточен для достижения целей наказания в отношении конкретного осужденного и соответствует ли оно требованиям законности и справедливости. При этом необходима достаточная четкость и жесткость юридического регулирования соответствующих общественных отношений.

В уголовном законе, прежде всего в ст. 60 УК РФ, установлены правила, которыми обязан руководствоваться суд при назначении наказания виновному лицу по конкретному делу. Традиционно в науке уголовного права выделяют три таких основных правила (требования): законность, справедливость, индивидуализацию. Каждое из них имеет самостоятельное значение при назначении наказания, и в то же время в совокупности они обеспечивают назначение наказания, способного обеспечить достижение его целей в отношении конкретного осужденного.

По нашему мнению, реализация на практике этих правил (требований) и составляет содержание правового режима назначения наказания. Для этого судья (суд) совершает урегулированные уголовным и уголовно-процессуальным законами действия: правильно квалифицирует содеянное по статье (статьям) Особен-

ной части УК РФ, учитывает положения Общей части УК РФ, выявляет все обстоятельства совершения преступления, личностные характеристики виновного, определяет наиболее оптимальный вид и размер наказания и др.

Индивидуализация назначения наказания безусловно связана с его законностью и справедливостью. Однако в правовом режиме назначения наказания именно она играет ведущую роль. Если назначение наказания не индивидуализировано, значит, оно, по сути, незаконно, хотя формально предписания уголовного закона могут быть соблюдены (наказание назначено в пределах санкции статьи УК РФ). Одновременно такое наказание будет и несправедливым, так как оно не будет соответствовать тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

В научной литературе обычно различают индивидуализацию назначения наказания в законе и в суде, что, на наш взгляд, означает отражение правового режима назначения наказания на правотворческом и правоприменительном уровне. По образному выражению С.В. Познышева, в определении меры уголовно-правового воздействия в отношении виновных участвуют две власти: законодатель и судья. Первый определяет общий контур (абрис) наказуемости, вводя судебское усмотрение в строго очерченные рамки, а второй — суд — в отведенных ему пределах конкретизирует наказание, опираясь на сформулированные в законе критерии, и излагает свой вывод о мере уголовно-правового воздействия в приговоре [6].

Индивидуализация назначения наказания в законе — это выражение в нормах уголовного права общих положений, в абстрактной форме обязывающих суд учитывать эти положения при назначении наказания лицу, совершившему преступление, в рамках закона. Здесь индивидуализация назначения наказания, выражающаяся в законодательной градации уголовно-правового воздействия в нормах Общей и Особенной частей УК, выступает важной и необходимой предпосылкой индивидуализации назначения наказания в конкретном уголовном деле.

Индивидуализация назначения наказания в суде — это применение положений Общей и Особенной частей УК РФ при назначении наказания конкретному лицу с учетом особенностей личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность. Данное правило является обязательным для судов, что закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». В Постановлении говорится: «Обратить внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания».

В процессе индивидуализации назначения наказания все большее значение приобретают личность преступника, ее особенности. Это обусловлено тем, что наказание призвано в конечном счете исправить виновного и предупредить совершение им новых преступлений. Поэтому при индивидуализации назначения наказания на первый план выдвигается не совершенное деяние, а личность осужденного. Это не означает, конечно, что тяжесть деяния не учитывается. Сущность индивидуализации назначения наказания в суде состоит в основанном на всесто-

роннем учете всех конкретных данных, характеризующих содеянное и личность виновного, максимальном приспособлении избираемой судом меры к достижению целей наказания.

Суд, изучая все обстоятельства дела и личность виновного, на основе положений уголовного и уголовно-процессуального законов индивидуализирует наказание. Уголовно-правовая норма, которую нарушает преступник, содержит санкцию за совершение соответствующего общественно опасного деяния. В санкции обычно предусматриваются вид и мера наказания за совершенное правонарушение, описанное в диспозиции статьи. Но санкция, устанавливающая наказание за совершение определенного общественно опасного деяния, подчас имеет довольно широкие рамки. Суд же всегда назначает индивидуальное наказание в рамках этой санкции. При этом суд должен правильно оценить все обстоятельства дела, присущие деянию, индивидуальные особенности и характерные черты виновного в совершении преступления, его образ жизни в прошлом и настоящем, побуждения и мотивы, толкнувшие на преступление, его роль в совершенном преступлении.

Кроме того, в силу требований ст. 73 и 307, 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в приговоре суд обязан указать, какие обстоятельства являются смягчающими и отягчающими наказание; сведения, характеризующие личность подсудимого, мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию.

Таким образом, индивидуализация назначения наказания является важнейшей составляющей соответствующего правового режима. Реализация требований закона об индивидуализации позволяет назначить законное и справедливое наказание, что в конечном счете предполагает достижение целей наказания в каждом конкретном случае.

Итак, рассмотренные положения позволили нам выделить два аспекта индивидуализации назначения наказания. С одной стороны, она выступает как принцип — основная, исходная идея назначения наказания, с другой — как главная составляющая соответствующего правового режима — реальное осуществление этой идеи в правотворчестве и правоприменении. При этом индивидуализация назначения наказания как режим является производным от одноименного принципа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980. С. 11.
2. Горелик А. С., Ременсон А. Л. Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975. С. 10.
3. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 46.
4. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М. 1961. С. 10.

5. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 87.
6. Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 69.
7. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 86.

Arefinkina E. G.

Cand. Sc. Law, Sochi branch of RUDN University, Sochi

TO THE QUESTION OF THE PUNISHMENT INDIVIDUALIZATION INSTITUTE
AND PECULIARITIES OF ITS APPLICATION

The article deals with a problem of punishment individualization in current legislation and practice, author's definition of this concept is given, and this legal institution is considered through the prism of the legal regime.

Key words: crime; criminal law; punishment; individualization; the rules of assignment of the punishment; the justice of the punishment.

УДК 343.241

Гарькуша А. Г.,
студентка, Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов

© 2021

Научный руководитель: **Арефинкина Е. Г.**,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
кандидат юридических наук

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ РФ

В статье, на основе обобщения статистических данных выявляются и анализируются тенденции, связанные с назначением и применением исключительной меры наказания в практике современного отечественного уголовного судопроизводства. Автор дает сравнительную характеристику функционирования института смертной казни в Российской Федерации и за рубежом, указывает на неоднозначное отношение к этому виду уголовного наказания в различных правовых системах. Рассматривая концепцию смертной казни с этических позиций, автор описывает комплекс вопросов, вызывающих наиболее острые дискуссии в исследовательской среде, — вопросов, касающихся наиболее острого дискуссионного вопроса — оправданности применения исключительной меры наказания, с учетом современного уровня развития общественных отношений.

Ключевые слова: виды наказания в уголовном праве; исключительная мера наказания; смертная казнь.

Отношение к «благому» и «неблагому» в контексте общественного развития, размышления о дихотомии добра и зла традиционно относят к разряду вечных философских проблем. К этой группе неоднозначно трактуемых общественным сознанием категорий относится и целесообразность существования института смертной казни как исключительной меры уголовного наказания.

Поиск общей этической платформы, универсальной системы аргументации, которая бы позволила сблизить точки зрения правоведов, находящихся по разные стороны научной «линии фронта» в вопросе оправданности использования государством такой меры воздействия, как смертная казнь, продолжается уже не первое десятилетие. Градус полемики по-прежнему высок, а непримиримость позиций мешает выработке единого рационального подхода.

Система мер государственного принуждения, которые назначаются от имени государства по приговору суда в Российской Федерации, в настоящее время насчитывает тринадцать видов. По разнообразию видов уголовного наказания, закрепленных законодательно, Россия заметно опережает европейскую правовую

систему. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что, согласно официальной статистике Верховного Суда РФ, далеко не все меры воздействия активно используются российскими судами.

Согласно сводным сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2020 год, в судебной практике РФ преобладает такой вид государственного воздействия, как лишение свободы [13]. Эту тенденцию подтверждают и данные прошлых лет. Так, в 2018 году в РФ данный вид наказания был назначен практически каждому третьему осужденному (29% от общего числа вынесенных приговоров). Наказания, не связанные с лишением свободы, на практике назначаются не особенно часто. Детализация 2018 года указывает на тот факт, что альтернативой реальному лишению свободы в российском уголовном судопроизводстве является условное осуждение (за указанный период назначено 26% от общего числа осужденных), штраф (13%, соответственно), обязательные работы (17%), исправительные работы (8,4%), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (10%) и ограничение свободы (3,5%).

Важно понимать, что некоторые виды наказаний, несмотря на то, что они регламентированы в уголовном законодательстве, на практике не приводятся в исполнение в силу элементарного отсутствия условий для их реализации. Скажем, арест как вид наказания подразумевает наличие системы специализированных арестных домов, которая в нашей стране до сих пор не создана, в связи с чем, кстати, в российских юридических кругах неоднократно поднимался вопрос об исключении данного вида из системы уголовных наказаний.

Но, пожалуй, наиболее жаркие споры вызывает ситуация с применением в отечественном судопроизводстве института исключительной меры наказания — смертной казни — как кары за особо тяжкие преступления против жизни.

В настоящее время этот вид уголовного наказания хотя и включен в уголовный кодекс, но, как известно, фактически не используется. Причина этого — разного рода самоограничения (порой идущие в разрез с нормами российского законодательства), которые Россия вынуждена была ввести в свою правовую практику для сохранения политического диалога со странами Запада.

Несмотря на то, что ещё в 2009 году Конституционный Суд РФ обозначил свою позицию по вопросу возможности применения смертной казни, проблема всё ещё остается актуальной. Институт исключительной меры наказания как бы выведен за скобки правоприменительной практики в России.

В этой связи небезынтересным выглядит обращение к опыту зарубежных государств, использующих такую меру воздействия на преступников.

В 2020 году международная неправительственная организация *Amnesty International* зафиксировала проведение 483 казней в восемнадцати странах мира, что на 26% меньше, чем в 2019 году (в тот год было зафиксировано 657) [12]. Интересно отметить, что на 2020-й год пришлось наименьшее количество казней за последние десять лет.

В целом в мире ширится движение за отмену смертной казни. По состоянию на апрель 2021 года 108 стран приняли решение об отмене исключительной меры наказания за все преступления, а 144 страны запретили её законодательно или за-

блокировали вынесение смертного приговора на практике [12]. Правда, оценивая положительную динамику применения смертной казни в мире, нельзя полностью исключать и фактора пандемии, но его влияние, по нашему мнению, всё же не стоит рассматривать как решающее.

Дифференциация стран по отношению к принципиальной возможности применения в уголовном судопроизводстве смертной казни, очевидно, основывается на исторически сложившихся традициях правового регулирования в рамках конкретных обществ; на религиозных представлениях, свойственных социуму этих государств; наконец, на их культурном коде. Оценивая условия, в которых формировался институт высшей меры наказания в рамках правовых систем отдельных стран, необходимо составить четкое представление о том, в каких случаях суд того или иного государства может использовать этот, безусловно крайний карательный инструмент.

Так, федеральное законодательство США предусматривает смертную казнь за наиболее тяжкие государственные, воинские и общеуголовные преступления. Смертная казнь включена в уголовное законодательство 31 штата. Однако в большинстве регионов страны данный вид наказания хотя и назначается осужденному, но в исполнение, как правило, не приводится [10, с. 241]. Приведение в исполнение смертной казни в Соединенных Штатах в подавляющем большинстве случаев производится путем введения приговоренному раствора ядов, вызывающих смерть (т.н. смертельной инъекции). Правда, в некоторых штатах осужденный формально имеет право выбора альтернативного способа казни, предусмотренного местным законодательством.

В Китайской Народной Республике к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, смертная казнь также может быть применена. Данный вид наказания предусматривается в 45 (!) статьях уголовного кодекса Поднебесной [10, с. 244]. Исключительная мера наказания в Китае может назначаться не только за преступления против личности, но и за некоторые экономические преступления.

В Законе об уголовном праве Израиля, в разделе «Преступления», санкции определенных статей устанавливают уголовную ответственность за государственную измену (ст. 97 «Причинение вреда суверенитету либо целостности государства», ст. 98 «Развязывание войны», ст. 99 «Пособничество врагу в войне»), которая может караться лишением жизни [10, с. 247]. При этом законодатель включил в текст существенную оговорку о том, что суд может вынести смертный приговор лишь в том случае, когда преступление совершено в период военных действий.

На территории Федеративной Республики Германия и Западного Берлина (в период существования разделенного германского государства в 1949–1990 гг.), смертная казнь была отменена в 1949 году. В просоветской Германской Демократической Республике это произошло лишь в 1987 году (до 1966 года для исполнения смертного приговора в ГДР использовалась гильотина, позже — расстрел).

Обобщая краткий обзор практики назначения исключительной меры наказания за рубежом, отметим, что в основном смертная казнь назначается лицам, совершившим преступления против личности, но в ряде стран такая форма уголовного наказания также используется за некоторые экономические преступления и преступления против безопасности государства (государственные преступления).

В России на разных этапах исторического развития смертная казнь имела различный статус. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года устанавливал смертную казнь в мирное время за восемь составов преступлений. К началу 1990-х гг. в уголовном законодательстве насчитывалось уже более 30 составов преступлений, допускавших применение смертной казни [2, с. 132–133]. В Уголовном кодексе РФ 1996 года количество составов преступлений, за которые предусматривалась смертная казнь, сократилось до рекордных пяти. При этом ч. 1 ст. 59 УК РФ от 13.06.1996 №63-ФЗ гласит, что смертная казнь, как исключительная мера наказания, может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, к которым относятся:

- квалифицированные виды убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);
- посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ);
- геноцид (ст. 357 УК РФ).

Кроме того, смертная казнь закреплена в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ: «Смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Впервые институт смертной казни в России подвергся испытанию на прочность в 1997 году, когда Российская Федерация, вступив в Совет Европы, согласно условиям членства в этой межгосударственной структуре, вынуждена была подписать 16 апреля 1997 года Протокол №6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (который, впрочем, так и не был ратифицирован в официальном порядке). Статья 1 Протокола, как известно, гласит: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен». С тех пор эту меру государственного воздействия в отечественной уголовной судебной практике перестали задействовать. Последняя смертная казнь в России была приведена в исполнение 2 сентября 1996 года. Указом Президента России от 3 июня 1999 года №698 были помилованы 703 осужденных к смертной казни, то есть все, кто на тот момент были приговорены к данному виду наказания [4, с. 2].

Сегодня Россия последовательно выступает за отмену смертной казни в мирное время. И это принципиальная стратегическая правовая позиция [8, с. 51], которая в полной мере учитывает гуманистические тенденции, преобладающие на нынешнем этапе цивилизационного развития. Социальный прогресс в его сегодняшней интерпретации неразрывно связан со всемерным обеспечением гражданских прав и свобод, с культом неприкосновенности человека как уникальной личности.

Говоря о специфике именно российского пути в законодательном регулировании смертной казни, стоит особо отметить тот факт, что назначение смертной казни (на основании ч. 2 ст. 20 Конституции РФ) допускается лишь судом

при участии присяжных заседателей. Таким образом, общество принимает непосредственное участие в отправлении правосудия и как бы «распределяет» ответственность. Это важнейшая идеологическая доминанта справедливого судебного разбирательства, отвечающего одной из базовых целей уголовного наказания — восстановлению социальной справедливости.

В соответствии с отечественным законодательством к лишению жизни преступник может быть приговорен лишь в исключительных случаях и при строгом соблюдении определенных процессуальных правил. Так, для назначения столь сурового наказания преступное деяние должно, помимо его собственной тяжести, характеризоваться массивом обстоятельств, отягчающих вину преступника, делающих лишение жизни единственно возможным способом кары, соразмерным преступлению.

Однако полемика по поводу оправданности отказа российских судов от исключительной меры наказания не утихает. Правоведы продолжают ломать копья в острых дискуссиях о целесообразности этого института уголовного наказания. По понятным причинам катализатором обострения споров раз за разом выступают преступления, вызывающие широкий общественный резонанс.

Противники смертной казни обращают внимание на то, что осуждение на смертную казнь лишает осужденного перспектив реабилитации, при том что риск судебной ошибки существует всегда. Апологеты смертной казни на это возражают: до момента приведения приговора в исполнение могут пройти годы, и в это время, как правило, происходит тщательная проверка обстоятельств дела, что позволяет минимизировать вероятность несправедливого приговора. Кроме того, осуждение к смерти не исключает возможности обращаться в установленном порядке в судебные инстанции различных уровней (апелляционные, кассационные, надзорные), задача которых состоит в том, чтобы своевременно выявить возможные судебные ошибки.

Сторонники применения смертной казни приводят доводы в пользу того, что такой вид наказания — действенный способ оградить общество от насилия, в то время как пожизненное заключение не всегда означает полную изоляцию преступника. Закон не исключает досрочного освобождения осужденного через 25 лет (ч. 3 ст. 59 УК РФ). Не стоит забывать и об известной опасности, исходящей от лиц, до конца жизни исключенных из общества, в первую очередь для персонала, обслуживающего профильные учреждения ФСИН.

Противники исключительной меры наказания апеллируют к тому, что смертная казнь не содержит «исправительного» потенциала, не предполагает осмысления преступником тяжести его противоправного деяния (как, в общем-то, и пожизненное заключение).

С другой стороны, лишение свободы на срок, превышающий биологическую жизнь человека, предполагает немалые государственные издержки на содержание заключенного. Получая пожизненное заключение, преступник становится государственным иждивенцем, существование которого будут обязаны финансировать граждане страны — добросовестные налогоплательщики, а ведь к их числу можно отнести и родственников жертв преступления осужденного. Справедлив ли такой исход?

Много приверженцев имеется и у тезиса о том, что исключительная мера наказания — фактор, оказывающий мощное сдерживающее воздействие по отношению к потенциальным преступникам. Однако известные американские криминологи неоднократно высказывались в пользу того, что применение смертной казни не оказывает влияния на динамику тяжких преступлений. Интересно, что столь же инертной криминальная статистика оказалась и к вопросу отмены смертной казни [9, с. 40]. Многие в этом вопросе зависят от личности, эмоционального портрета самого преступника. Иными словами, «страх смерти — серьезный барьер для преступника, хотя и далеко не всегда» [5, с. 159].

В рассуждениях относительно пользы/вреда для общества института смертной казни можно пойти и «от обратного»: если гипотетически предположить, что смертная казнь будет исключена из УК РФ как вид наказания, то самой жесткой мерой государственного воздействия в этом случае становится пожизненное заключение. И можно с большой долей уверенности предположить, что следующим камнем преткновения для поборников гуманизма в сфере уголовного законодательства станет именно пожизненная изоляция осужденного — которая, по сути, представляет собой растянутую во времени смертную казнь.

Все указанные выше замечания и аргументы можно привести к общему знаменателю в том отношении, что лишь государство как способ социального бытия может обладать монополией на применение любых легитимных форм насилия и, в том числе, правом применения смертной казни. В этой связи вполне уместным выглядит мысль о том, что с изъятием из механизма государственного принуждения этой самой грозной меры уголовно-правового воздействия государство уже не может считаться полностью суверенным [6, с. 90–91].

Одним словом, реалии сегодняшнего дня таковы, что на каждый аргумент за сохранение института смертной казни у оппонировающей стороны находится свой контраргумент. Остается надеяться, что время расставит всё по своим местам, или же маятник социального прогресса качнется в сторону радикализации уголовного преследования. Пока же, завершая приведенные в статье рассуждения, согласимся с тем, что проблема целесообразности использования смертной казни, как исключительной (высшей) меры уголовного наказания, в определенном смысле лежит на стыке юриспруденции и философии, и вряд ли в ближайшем будущем в обществе будет достигнут консенсус на этот счет. Но, возможно, в таком противоборстве полярных мнений и скрыт главный источник, движитель стремления нашей цивилизации к недостижимым идеалам вселенской справедливости. В этом смысле, пожалуй, наиболее равновесно звучит мнение одного из исследователей проблематики, которой посвящена наша статья, — А. М. Гаджиевой: «...человек рождается на свет для созидания, и всё, что лишает его жизни, есть зло. То есть в гуманистическом смысле смертная казнь — зло. Но, когда общество наказывает преступника, применяя смертную казнь, в том числе оно исправляет и себя и своих членов. И пока в обществе происходят преступления, и люди их совершают, смертная казнь, видимо, нужна. Хотя, конечно же, в идеале воздействовать через зло человеческое общество не должно» [3, с. 77].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арефинкина Е. Г. Система уголовных наказаний в РФ и в зарубежных странах // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации: материалы III международной научно-практической конференции и круглого стола (Сочи, 9–11 апреля 2019 г.). М.: Перо, 2019. С. 530–538.
2. Воронцова М. В. Теория деструктивности: учебник для вузов/М. В. Воронцова, В. Е. Макаров, Т. В. Бюндюгова. М.: Юрайт, 2021. 330 с.
3. Гаджиева А. М. Проблема смертной казни на современном этапе: аргументы «за» и «против» / А. М. Гаджиева, С. Э. Серкерев // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. — 2009. — № 4. — С. 73.
4. Дядюн, К. В. Смертная казнь: плюсы и минусы в современном обществе / К. В. Дядюн // Universum: экономика и юриспруденция. — 2015. — № 7. — С. 1–13.
5. Захаров В. А. Философско-правовое обоснование применения смертной казни / В. А. Захаров // Научно-методический электронный журнал Концепт. — 2015. — № 5. — С. 156–160.
6. Кизилев А. Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие / А. Ю. Кизилев // Lex russica (Русский закон). — 2016. — № 12. — С. 79–94.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>), 04.07.2020 (дата обращения: 12.06.2021).
8. Мезяев А. Б. Эволюция международно-правовой позиции России в отношении смертной казни / А. Б. Мезяев // Российская юстиция. — 2018. — № 2. — С. 47–51.
9. Михайлов В. К. Перспективы применения смертной казни в России в условиях наличия возможности неисполнения своих международных обязательств с «одобрения» Конституционного суда / В. К. Михайлов // Российский судья. — 2016. — № 11. — С. 37–42.
10. Наумов А. В. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2020. 285 с.
11. Смертная казнь // Википедия: Свободная энциклопедия: сайт. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смертная_казнь (дата обращения: 12.06.2021).
12. Смертная казнь в 2020 году. Число смертных казней в мире снизилось до десятилетнего минимума // Amnesty International: сайт. — URL: <https://eurasia.amnesty.org/2021/04/21/smertnaya-kazn-v-2020-godu-chislo-smertnyh-kaznej-v-mire-snizilos-do-desyatiletnego-minimuma> (дата обращения: 12.06.2021).
13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: сайт. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 12.06.2021).
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021)//СПС «КонсультантПлюс»: сайт. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 12.06.2021).

Gar'kusha A. G.

student, Sochi Institute (branch), Peoples' Friendship University of Russia, Sochi

Academic Supervisor: *Arefinkina Ye. G., Cand. Sc. Law,*

Head of the Department of Criminal Law and Trial?, Sochi

DEATH WITHIN THE CRIMINAL PENALTY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Predicated on generalized statistics, this article reveals and scrutinizes those tendencies associated with sentencing and applying death penalty in the modern criminal procedure of Russia. The author offers a comparative analysis of the way the death penalty institute functions in the Russian Federation and abroad, denoting multiplicity of attitudes towards this type of punishment in different legal systems and cultural-historical formations. Considering the death penalty concept from the position of ethics, the author discloses an array of questions causing most acute discussion among researchers, those questions having relation to the propriety of death penalty application at the modern level of social development.

Key words: types of punishment in criminal law; exceptional measure of punishment; penalty of death.

УДК 343.8

Козина Т. С.,
студентка, Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов

© 2021

Научный руководитель: **Арефинкина Е. Г.,**
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
кандидат юридических наук

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Статья посвящена криминологической характеристике женской преступности в контексте конкретно-исторического подхода. Автор анализирует социальную роль женщины, указывая на ее подчиненное, зависимое положение на разных отрезках мировой истории, констатирует ущемление гражданских прав женщины на всём протяжении эволюции традиционного общества. Указывая на психофизиологические и социально-экономические особенности женской преступности как явления, автором приводятся статистические данные, позволяющие выявить тенденции, характеризующие женскую преступность в современной России. Описывая комплекс общественных отношений, возникающих в связи с девиантностью женщин, автор обобщает криминологические особенности преступлений, совершаемых женщинами, а также дает рекомендации общего и специального характера, направленные на предупреждение совершения женщинами противоправных деяний.

Ключевые слова: женская преступность; гендерный анализ в криминологии; преступления женщин.

Рассматривая женскую преступность как явление, криминологи традиционно обращают внимание на два существенных фактора, определяющих природу и характер противоправных действий, совершаемых женщинами, — политико-экономический статус женщины в обществе на конкретном отрезке истории и ее положение в рамках устоявшейся социо-культурной традиции.

Бесправие как предтеча противоправности

Модель девиантного поведения индивида во многом определяется конкретными историческими условиями, в которых он существует. Вслед за В.И. Лениным мы повторим «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Этот тезис в полной мере относится и к той специфической роли, которая была уготована женщине в обществе тысячелетиями. Роль эта, разумеется, не свободна от влияния особенностей женской биологии и психики. И, следует признать, далеко не всегда эти особенности можно отнести к разряду «слабостей».

Женщины во все времена играли заметную роль в истории человечества. Нам известны имена представительниц прекрасного пола, которые в разное время вершили судьбы государств (Екатерина Великая и Маргарет Тэтчер), становились во главе воинств (Жанна д'Арк и Фу Хао), продвигали науку (Мария Кюри и Гипатия Александрийская), добивались колоссальных достижений в спорте и искусстве. Но по странному стечению обстоятельств преклонение перед отдельными выдающимися представительницами слабого пола сопровождалось подавлением гражданских прав основной их массы.

Скажем прямо, женщины были оттеснены на обочину истории, которую писали мужчины и для мужчин. Они же (мужчины) устанавливали правила игры (Законы Драконта, XII таблиц Древнего Рима, русский «Домострой» и пр.). Понятно, что статус «слабого пола» в социуме отражался, как в зеркале, в правовых нормах разных эпох. Бесправие надолго заключило женщину в кабалу — семейную, социальную, религиозную...

Оставаясь на задворках истории, женщины-преступницы не слишком часто становились персонажами литературных и драматических произведений. Правда, имя «леди Макбет» все же стало нарицательным.

В Древней Греции женщины не считались гражданами полиса, не имели права голоса в народном собрании, жили в отдельной части дома и не могли появляться на улице без сопровождения мужчины. Римлянки были столь же бесправны, у них не было даже личных имен: их называли согласно роду, к которому они принадлежали, — Юлия (из рода Юлиев)... В средние века женщинам запрещалось получать образование. Наполеон в своем Гражданском кодексе 1804 года коротко отметил: «женщина не имеет гражданских прав и находится под опекой у мужчины».

Но вот случилась буржуазная революция во Франции. Декларация прав человека и гражданина громогласно объявила, что все жители страны, независимо от вероисповедания и социального статуса отныне обладают равными правами по отношению к государству. Женщины Франции включились в революционное движение, восприняв этот величественный лозунг буквально. И... просчитались. Как им объяснили позже, в Декларации под словом «все» имелись в виду исключительно мужчины. Как следствие — до 1944 года француженки не могли даже счет на свое имя в банке открыть.

Женщина в имперской России не имела паспорта и политических прав (и это мы говорим о знатных сословиях — женщины-крепостные в своих правах были поражены еще более!). Ограничения в доступе к образованию, трудовой деятельности, участию в управлении собственным хозяйством делали женщину зависимым, несамостоятельным субъектом в правовом поле. Приведем пример: в 1867 году несколько российских дворянок из именитых семей обратились к ректору Петербургского университета с просьбой разрешить им посещение занятий. Одновременно в адрес Первого съезда естествоиспытателей России они подали

петицию с просьбой поддержать их идею создания Высших женских курсов в России... И ректор, и съезд ответили отказом...

В таких условиях, то есть при отсутствии полноценных социальных, экономических и политических прав, в рамках жесткого религиозного диктата, противоправные действия со стороны женщин рассматривались обществом как переход одновременно двух «красных» линий — писаного закона и неписанного культурно-религиозного кодекса.

Лишь в конце XIX века, на волне суфражизма и европейской «моды на эмансипацию», наметился вектор к постепенному укреплению гражданских прав женщин. На этот же период пришелся бурный расцвет криминологии, который впервые высветил проблему женской девиантности: активному регулированию со стороны государства стала подвергаться сфера женской занятости; в нормах уголовного права появились отдельные положения, связанные с отбыванием наказания беременными женщинами или женщинами, имеющими несовершеннолетних детей и т. д.

Ученые наконец-то отвели противоправному поведению слабого пола особое место в рамках теории преступлений. Анализируя женскую преступность, правоведы препарировали ее с социально-биологических позиций, в контексте расовой специфики, обосновывали актуальность междисциплинарного подхода к пониманию конструкта женской преступности.

Отечественные теоретики криминологии, такие как И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, П. Н. Тарновская, в своих исследованиях опирались на теорию Чезаре Ломброзо о биологической предрасположенности человека к преступному поведению, признавая при этом необходимость учета также и социальных условий, в которых формировалась личность преступника.

В 1920–30-х гг. в нашей стране на волне уравнивания женщин и мужчин в политических правах (по итогам Октябрьской революции), криминологические исследования женской преступности получили новый импульс к развитию. В 1930-х гг. известные коррективы в научное познание внесли «перегибы» правоприменительной практики установившегося в Советском Союзе тоталитарного режима. Затем грянула Великая Отечественная война, после которой пришел черед пятилеткам послевоенного восстановления народного хозяйства СССР... Почти четвертьвековой перерыв в изучении женской преступности сменил период интенсивного научного поиска, стартовавший в 1960-х гг. Огромный вклад в изучение женской преступности в это время внесли блестящие ученые-криминологи — Е. В. Середа и В. А. Серебрякова, И. И. Карпец и А. М. Яковлев, Т. В. Прокофьева и др.

Очередной шаг на пути эволюции изучения женской преступности ознаменовала собой теория гендерного анализа, различающего природу мужской и женской девиантности. «Гендер» в данном случае — понятие, характеризующее, скорее, социальную функцию индивида, чем биофизиологическую. Можно сказать, что в определенной степени «гендер» учитывает и популярную ныне трансформацию представлений о «мужском» и «женском» началах в человеке. Россию эта теория не обошла стороной, сегодня целый ряд исследователей используют ее положения как эффективный инструмент в исследовательской деятельности.

Природа и «природность» женской преступности

Безусловно, масштаб женской преступности, несмотря на очевидную тенденцию к росту, значительно уступает мужской преступности. Так, статистика последнего десятилетия указывает на примерно пятикратное превосходство мужчин в этом отношении.

Однако преступления, совершаемые женщинами, обладают набором собственных ярких черт, на который накладывает отпечаток ряд факторов:

- социальная роль и функция женщины;
- образ жизни и ее качество;
- сфера профессиональной деятельности;
- особые психофизиологические и эмоционально-экспрессивные черты, присущие женщине.

Среди наиболее распространенных преступных действий, совершаемых женщинами: корыстно-насильственные преступления, распространение наркотических веществ, преступления в сфере экономики и некоторые другие. При этом среди тревожных трендов можно выделить рост тяжких преступлений, относительно стабильную долю рецидива, интенсивное омоложение женской преступности (и вместе с тем рост числа преступниц престарелого возраста!). Жертвами тяжких преступлений со стороны женщин в основном становятся мужья, сожители, дети или родственники. Мотивами выступают, как правило, латентные семейные конфликты, а также корыстные побуждения.

Интересный факт: приблизительно одинаковым темпом растет число правонарушительниц из числа бизнес-леди и из контингента женщин, занятых на неквалифицированной работе, с крайне низкой оплатой труда.

Отдельная проблема — женская преступность в сельских территориях, где в отличие от городской среды намного хуже развита социальная инфраструктура, господствуют архаичные взгляды на роль женщины в обществе, тяжелее условия жизни и труда.

Нередко спусковым крючком для совершения преступления женщиной служит ее большая аффективность, ранимость, крайняя эмоциональность в отношении восприятия стрессовых ситуаций, и, разумеется, физическая неспособность противостоять мужчине.

Казалось бы, сегодня права женщины обростают всё новыми скрепами — Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 19, ст. 37) и изданные на ее основе нормативные акты декларируют равноправное участие женщин (наравне с мужчинами) в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства. В том числе благодаря этому факту в наши дни мы наблюдаем быструю трансформацию и даже ломку социальных ролей в обществе. Женщина получает широчайший доступ к социальным лифтам, изменению качества жизни, управлению своим будущим.

Однако новые возможности, как это часто бывает, предполагают и новые испытания. Факторами, не в последнюю очередь определяющими характер и особенные черты современной женской преступности в России, являются снижение возраста преступниц, утрата женщиной традиционной социальной

роли в обществе, распространение алкоголизма и наркотической зависимости, проституция и пр.

Разберем эти наиболее существенные маркеры современной женской преступности в России...

Омоложение женской преступности. Рассуждая о причинах сложившейся ситуации, стоит с сожалением отметить, что в идейных установках нынешней молодежи превалирует ориентация на гедонизм, стремление получать от жизни «всё и сейчас». Именно в этом кроется главная причина снижения возраста преступающих закон женщин, о котором мы говорили выше.

В последнее десятилетие отмечается увеличение числа правонарушений среди женщин в возрастной группе от 18 до 29 лет (более 80% — 33 077 преступлений среди лиц женского пола указанного возраста за 2020 год) [5].

Причина такого положения дел в том, что женщины в указанном возрасте ведут активный образ жизни — они завершают обучение, обзаводятся семьями, у них окончательно оформляется мировоззрение и выстраивается система ценностей. В то же время молодая женщина, как правило, весьма уязвима к вызовам времени — ей необходимо соответствовать моде, она стремится к бытовому комфорту, старается поддерживать собственную самооценку на высоком уровне (часто любой ценой!) и пр. Однако финансовые возможности и положение в обществе у женщины в этот период еще не достигли нужного уровня. Завышенные потребности вступают в конфликт с располагаемыми ресурсами, материальное берёт верх над духовным... Потребительский характер отношения к жизни и неудовлетворительный социальный климат являются симптомами болезни современного общества, выступая стимулом криминальной активности женщин в возрасте до 30 лет [3].

Изменение социальной роли в обществе. Сегодня осязаемые перспективы профессионального роста всё чаще конфликтуют с традиционной ролью женщины в семье. Нередки ситуации, когда именно женщина становится главным гарантом финансовой состоятельности даже полной семьи.

Необходимость успевать «по работе» и «по дому» зачастую приводит женщину к физическому и моральному выгоранию, что может отражаться на ее отношении к близким, окружению, наконец, к себе самой. Оказываясь под давлением социальных стереотипов, в соответствии с которыми в морально-нравственном плане общество оказывается более требовательным как раз к поведению женщины, чем к поведению мужчины (женщина — мать, хранительница домашнего очага, терпеливый наставник и пр.), женщина-труженица пасует перед грузом проблем. Усталость от бесконечных хозяйственных хлопот и необходимость совмещать личную жизнь с напряженными рабочими буднями толкают женщину на девиантные деяния, ведут к постепенному дистанцированию от семьи. Под ударом в такой ситуации оказываются дети, которым недостает внимания и заботы. Если продолжить причинно-следственную цепочку, то станет очевидным, что пассивное поведение матери косвенно влияет и на уровень правонарушений среди несовершеннолетних и на кризис брачно-семейных отношений в целом.

Другая, гуманитарная сторона проблемы, причиной которой можно считать изменение социальной роли женщины в обществе, заключается в необходимости

для женщины расставлять приоритеты в жизни таким образом, чтобы в первую очередь обеспечить экономическую основу своего существования. Часто это происходит в ущерб получению женщиной образования и повышению ее культурного уровня. При этом в условиях перманентного кризиса располагаемый доход, по большей части, не позволяет обеспечить качество жизни, к которому женщина стремится, что иной раз толкает ее на противоправные действия — кражи, грабежи, разбой.

Алкоголизм, наркотическая зависимость, занятие проституцией часто называют приметой современной женской преступности. Исследователи отмечают, что все чаще женщины совершают преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Вовлечение женщин в незаконный оборот наркотиков приобрело в последнее десятилетие угрожающие масштабы. Удручает, что в подобных преступных схемах женщины нередко выступают в роли организаторов. Столь же представительно, по понятным причинам, женское участие в криминальных группах, ориентированных на оказание сексуальных услуг (ст. 241 УК РФ).

Разумеется, в определенной степени аддикции разной природы можно считать следствием неблагоприятного климата в обществе, — ведь в их основе лежит утрата духовных и социальных ценностей, нравственных ориентиров. Причем алкоголизм и пристрастие к наркотикам чаще всего становятся триггером преступлений, одновременно повышая уровень смертности в группах риска [2], — примерно треть преступлений насильственного характера совершаются женщинами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Более того, обладая колоссальным экспрессивным потенциалом, женщины порой проявляют при совершении преступлений невиданную жестокость.

Типология женских преступлений

Наиболее распространенными среди женщин являются такие виды преступлений, как хищение, детоубийство, насильственные преступления.

Хищение. 15% преступлений, совершаемых женщинами, — кражи (квалифицируются по ст. 158 УК РФ). Данная форма хищения характерна для крупных городов и агломераций. Нередки среди современных преступниц лица, специализирующиеся на мошенничестве. Растет женская преступность и в бизнес-сфере, в которой преобладают различные формы незаконной экономической деятельности — нелегальное оказание банковских услуг, незаконное получение кредита, незаконное предпринимательство, участие в коррупционных схемах и др.

Детоубийство. Убийство новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) наиболее часто совершают женщины, не состоящие в браке или не имеющие материального достатка. Количество таких преступлений в настоящее время достигает 150 случаев в год и, к сожалению, не демонстрирует отрицательной динамики.

Насильственные преступления. Растут показатели уровня женской преступности в отношении насильственных преступлений (до 3% ежегодно); наблюдается увеличение (более, чем в четыре раза!) числа женщин, совершивших тяж-

кие преступления. Темп прироста этого показателя у женщин в три раза превосходит его аналог в мужской среде [1].

Чаще всего тяжкие преступления совершаются женщинами на почве затянувшихся семейно-бытовых конфликтов, реже — по мотивам ревности и корысти. К примеру, женщины, осужденные за умышленные убийства, составляют около 1% от общего числа, за тяжкие телесные повреждения — примерно столько же, а за корыстно насильственные преступления (грабеж, разбой) — более 3%.

Женская преступность в зеркале статистики

Обращаясь к данным ведомственной статистики, отметим, что в общем объеме совершенных в России преступлений, по которым установлены виновные лица, доля чисто женских преступлений за последние десять лет составляет 14–16%. Так, в 2018 году женщины совершили 145,4 тыс. преступлений (или 15% от общего числа), в 2019 году — 142,5 тыс. преступлений (14,7%), в 2020 году — 136,3 тыс. преступлений (14,1%). Наибольшее число женских преступлений было зарегистрировано в нашей стране в 2000 году — более 284 тыс. случаев! При этом за совершенные преступления около 35% женщин осуждены к реальному лишению свободы. В местах лишения свободы в 2019 году в России отбывали наказание 33,5 тыс. женщин, в 2018 году — 35,6 тыс. женщин. Наибольшее число женщин находилось в местах лишения свободы в 2010 г. — 55,6 тыс. человек [4].

Анализ гендерных выборок позволяет с большой долей уверенности говорить о тех или иных тенденциях, формирующихся в сфере женской преступности.

Так, криминологи отмечают зависимость между жестоким обращением к ребенку (девочке) в семье в детские годы и асоциальностью поведения женщины во взрослом возрасте — около 80% женщин, совершивших насильственные преступления, в детстве и юности становились жертвами насильственных действий со стороны родителей, родственников и иных лиц.

Другой пример: изучая влияние института брака на девиантность поведения женщин, исследователи обратили внимание на то, что порядка 50% осужденных женщин к моменту совершения преступления, состояли в браке. При этом оказалось, что сохранение семьи часто зависело от вида наказания, назначенного судом для осужденной. Если наказание не было связано с лишением свободы, то семью чаще всего удавалось сохранить. В противном случае, как свидетельствуют данные последних лет, за время нахождения в местах лишения свободы семья распадалась у 23,5% женщин.

Приведенное выше наблюдение позволило группе правоведов выступить с инициативой предусмотреть в отечественном уголовном законодательстве положение о возможности снижения меры наказания для женщин именно с целью сохранения семьи. Впрочем, их оппоненты справедливо отмечают, что в действующем УК и без дополнительных норм содержится достаточно оснований для смягчения наказания женщинам в отдельных случаях: скажем, наличие у преступника малолетних детей (ст. 61 УК РФ) предусматривает назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (ст. 64 УК РФ). Кроме того, суду предоставлено право самому определять имеющиеся в каж-

дом конкретном случае смягчающие вину обстоятельства. К тому же с учетом наличия несовершеннолетних детей или беременности женщинам в определенных случаях не назначаются обязательные и исправительные работы, арест; не применяется к ним и пожизненное лишение свободы.

Вместо заключения

По итогам представленного нами очерка можно с уверенностью констатировать, что женская преступность как явление определяется конкретными историческими условиями, в которых она формируется и существует. Несмотря на то, что структура женской девиантности в России заметно отличается от мужской, тем не менее она встроена в общую систему преступности, а значит отражает наличествующие в ней тенденции и характер взаимосвязей ее элементов.

Важной особенностью женской преступности в России является ее обусловленность социально-экономическими проблемами отечественного общества — затяжным экономическим кризисом, разрывом декларируемых и реально доступных гражданских прав. Неудовлетворенность качеством жизни нередко становится причиной совершения женщинами преступлений, мотивом которых выступают корыстные побуждения.

Нужно сказать, что государством и различными общественными организациями предпринимаются усилия для того, чтобы оказать посильную помощь женщине, укрепить ее социальный статус. Так, в России активно действуют фонды помощи женщинам, пострадавшим от насилия и бедности; давно и с успехом функционирует такая форма государственной поддержки российских семей, как материнский (семейный) капитал. Система мер в рамках программы «Материнский капитал» актуализируется практически ежегодно. Значительной коррекции подверглась программа в 2020 году — право на получение выплаты было предоставлено уже при рождении первенца; кроме того, была увеличена сумма материальной помощи при рождении второго ребенка.

Но одна лишь адресная поддержка проблему диспропорций в структуре народного хозяйства и системных перекосов в правовом обеспечении основ функционирования гражданского общества, думается, не решит. По нашему мнению, профилактика противоправной деятельности среди женщин должна опираться на комплекс долгосрочных мероприятий:

- создание комфортных условий для трудовой деятельности;
- адекватное трудовым затратам вознаграждение;
- полноценное уравнение в условиях труда и оплаты с мужчинами;
- увеличение размеров материальной помощи женщине в связи с беременностью и рождением детей;
- поддержку малоимущих семей;
- расширение программы защиты материнства и детства.

Успешная и оперативная реализация таких мер способна эффективно повлиять на тревожную ситуацию в сфере женской преступности, однако для этого необходимо сонаправленное и деятельное участие ряда федеральных регуляторов и заинтересованное сотрудничество всех ветвей власти в России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Добровольская Е. В. Женская преступность в России (историография историко-правовых и криминалистических исследований). Ростов н/Д, 2011.
2. Криминология. Учебник для вузов: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М.: Норма — ИНФРА М, 2018. С. 372.
3. Кунц Е. В. Преступность среди женщин в современной России: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 64.
4. МВД России: сайт. — URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 02.08.2021).
5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: сайт. — URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 27.07.2021).

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации 1993 года (с изменениями по состоянию на 01.07.2020 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года (с изменениями по состоянию на 01.07.2021 г.).

Kozina T. S.

student, Sochi Institute (branch), Peoples' Friendship University of Russia, Sochi

Academic Supervisor: *Arefinkina Ye. G., Cand. Sc. Law,
Head of the Department of Criminal Law and Trial, Sochi*

SOCIOCULTURAL AND HISTORICAL ASPECTS OF THE FEMALE CRIMINALITY PHENOMENON

This article is concerned with the criminological characteristics of female criminality within the context of a definite historical approach. The author analyses the social role of the woman, denoting her secondary, dependent position during various periods of the world history, states disenfranchisement of the woman during the whole evolution of traditional societies. Pointing out the psychophysiological and socioeconomic peculiarities of female criminality as a phenomenon, the author presents statistical data which permit to reveal the tendencies characterizing female criminality in today's Russia. Describing the set of social relations rising due to women's deviant activities, the author generalizes the criminological peculiarities of the crimes committed by women, and provides general and specific recommendations aimed at the prevention of women's misdoings.

Key words: female criminality; gender analysis in criminology; women's crimes.

Яковлев-Чернышев В. А.,

© 2021

студент, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Научный руководитель: Андреев Г. В.,

преподаватель кафедры конституционного и международного права,

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассматриваются основные проблемы современного российского федерализма и обосновывается тезис о том, что, несмотря на сильные централистские тенденции, обусловленные сочетанием влияния исторических и геополитических факторов, в перспективе будет происходить дальнейшее формирование федерализма с учетом самобытности России.

Ключевые слова: федерализм; российская государственность; унитаризм; централизм; бюджетный федерализм.

Российский федерализм является молодым явлением в условиях современной российской государственности. Федеративное устройство нашего государства закрепляет Конституция РФ 1993 года.

На сегодняшний день единого подхода к пониманию, что же такое федерализм, нет. Например, М. В. Глигич-Золотарева считает, что федерализм — это «принцип, концепция, парадигма государственного устройства, позволяющая обеспечить единство и плюрализм государственной и общественной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях» [1]. Л. Ф. Болтенкова, в свою очередь, выделяет 26 определений. Одним из наиболее интересных среди них, на наш взгляд, является следующее: «федерализм — это форма, позволяющая в границах многонационального государства сохранить исторически сложившееся многообразие традиций, обычаев, культуры различных групп и слоев народа» [2, с. 14–15].

Безусловно, размышления о том, является ли Россия федеративным государством, бессмысленны, так как в Конституции РФ (ч. 1 ст. 1, ст. 5, ч. 3 ст. 11, ст. 72) четко закреплены все необходимые элементы федеративного государства. Однако стоит отметить, что современный российский федерализм формировался в весьма тяжелых условиях. Несмотря на подписанный Федеративный договор от 31 марта 1992 года [3] и принятие Конституции 12 декабря 1993 года, далеко не сразу эти изменения были приняты всеми в России. Российская Федерация пережила «парад суверенитетов», но затем усилились процессы централизации.

Произошедшая смена направления развития на усиление власти федерального центра обусловлена событиями, которые происходили как в истории Российской империи, СССР, так и уже в современной России. Такими событиями являются: во-первых, Февральская и Октябрьская революции и последовавшая после них гражданская война; во-вторых, распад СССР, кризис КПСС, попытка демократизации всех сфер жизни общества, годы перестройки, которые привели к обособлению всех союзных республик; в-третьих, «парад суверенитетов», когда не все республики захотели подписывать федеративный договор. Пожалуй, эти три причины, хотя и не являются исчерпывающими, но, несомненно, основные.

Процессы централизации наблюдаются и сегодня, что стало предметом исследований многих ученых [4; 5; 6]. Данные тенденции обусловлены не только рядом внутривнутриполитических причин и событий, но также кризисом системы международного права. С учетом всех факторов, как исторических, так и геополитических, перед Российским государством встает очень важный вопрос, на который нет очевидного ответа, а именно — о дальнейшем пути развития федерализма в России: склоняться ли к усилению власти центра или, наоборот, дать больше свободы субъектам Федерации и развитию института федерализма в РФ?

Было бы, на наш взгляд, ошибочно думать, что к Российской Федерации применимы полностью те или иные модели федерализма или теории о том, каким образом должен быть построен в России федерализм. Перспективы российского федерализма нельзя рассматривать вне контекста самобытности России. Следовательно, необходимо понимать все особенности отечественного федерализма и его проблемы.

Сразу можно упомянуть о ст. 5 Конституции РФ, которая в ч. 1 гласит, что все субъекты в РФ равноправны, однако в ч. 2 отмечает, что «республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство». Проблема заключается в том, что другие субъекты (края, города федерального значения, автономные области, автономные округа) такими полномочиями не обладают. Также они не могут, в отличие от республик, иметь помимо русского языка свой государственный язык.

Еще одной проблемой является разграничение предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ. В связи с этим, важное замечание сделала Е. А. Кремлянская, сказав, что «Конституция установила довольно детальное регулирование предметов исключительного ведения федерации и предметов совместного ведения в сфере государственного строительства, что, однако, не мешает наличию некоторых противоречий и дублирующего регулирования, что, как представляется, должно стать предметом конституционной реформы в дальнейшем» [7, с. 120]. Конституционные поправки 2020 года незначительно затронули сферу предметов ведения РФ и субъектов РФ. Очевидно, что данные отношения должны найти свое развитие, если не в Конституции РФ, то в каком-то федеральном законе, чтобы исключить некоторые антиномии и неопределенность правовых последствий.

Существует и ряд проблем, связанных с бюджетным федерализмом. Так, по данным Минфина России долг субъектов РФ исчисляется (по состоянию на 01.05.2021 г.) суммой, равной 2 439 869 822,53 тыс. руб. [8], что свидетельству-

ет о серьезных проблемах, связанных с бюджетной политикой. Причем в период пандемии указанные проблемы значительно обострились. Данное обстоятельство уже подчеркивалось, например, Г.В. Елисеевой, которая спрогнозировала ухудшение ситуации из-за пандемии, предлагая пересмотреть долговую политику регионов РФ, «так как выплата долга федеральному центру сократит и без того пошатнувшийся бюджет субъектов и значительно снизит качество жизни населения» [5, с. 154]. Также автором отмечаются и тенденции усиления централизации, которые приводят к несамостоятельности субъектов при решении важных вопросов [5, с. 155].

Вышеперечисленные проблемы не охватывают все болевые точки российского федерализма, однако в немалой степени характеризуют их.

Рассматривая перспективы российского федерализма, мы неизбежно затрагиваем еще один важный аспект, который заключается в том, на какой мы находимся «тропе»: унитарной или федералистской. Данный вопрос носит дискуссионный характер и активно рассматривается в научной литературе [6]. На наш взгляд, та точка зрения, что Россия тяготеет к унитаризму, даже несмотря на централистские тенденции, не совсем корректна. Но она имеет право на существование, так как прошлое, особенно недавнее, всегда помнится. Поэтому взгляды, пропущенные сквозь призму империализма, могут вполне аргументированно склоняться к тому, что Россия может в скором времени стать унитарным государством. Однако Россия — это все-таки федерация, в том числе потому, что в нашей истории и нашем государстве сосуществовали и сосуществуют множество различных народов, наций. Как бы парадоксально ни звучало, РФ может сочетать в себе какие-то черты, оставшиеся от Российской империи и СССР, которые вполне позволят рационально и постепенно развивать российский федерализм в правильном русле с учетом конкретно-исторического контекста.

Таким образом, вышеперечисленные проблемы не являются единственными опасностями, подстерегающими российский федерализм; вместе с тем нельзя говорить о том, что абсолютно все они являются его минусами. Можно сравнивать Российскую Федерацию со странами западной демократии, но, сравнивая, нельзя забывать о том, через какие испытания (а иной раз и потрясения) пришлось и приходится проходить Российскому государству. По нашему мнению, централизм, который критикуется учеными, вполне закономерен на данном пути развития.

Нужно учитывать, что российский федерализм весьма молод. Многие его механизмы требуют времени для настройки и отладки. Постепенно придет понимание того, как именно нужно строить федерализм в отечественных условиях, чтобы он был не просто красивым словом, но реально действующей системой политического управления. Нельзя забывать и о сепаратистских настроениях, которые не могут не привести к централизации.

Однако, несмотря на все вышеперечисленное, федерализм в России развивается и постепенно приближается к общепринятым стандартам [9, с. 123]. Со временем, с учетом конституционных поправок и совершенствования всей правовой системы в целом, при условии развития социально-культурных программ, централизация будет понемногу ослабевать, и российский федерализм наконец утвердится в своих правах в полной мере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глигич-Золотарева, М. В. Конституционно-правовые основы российского федерализма: проблемы теории, методологии и практики: автореф. дис... д-ра юрид. наук / М. В. Глигич-Золотарева. Тюмень, 2009.
2. Болтенкова, Л. Ф. Теория и практика федерализма: учебно-методическое пособие / Л. Ф. Болтенкова. М., 2014. 214 с.
3. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=14973> (дата обращения: 04.06.2021).
4. Лукьянова, Е. А. «Золотая середина» российского централизма, или еще раз об истоках федеративной природы России/Е. А. Лукьянова // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 1. — С. 4–21.
5. Елисеева, Г. В. Проблемы федерализма в Российской Федерации / Г. В. Елисеева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2020. — № 2 (34). — С. 153–156.
6. Ерохина, Е. А. Постсоветская Россия между федерализмом и унитаризмом: нормативные модели и реалии трансформирующегося общества / Е. А. Ерохина // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11. — № 3. — Ч. 1. — С. 194–210.
7. Кремлянская, Е. А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография / Е. А. Кремлянская. М.: МГИМО (Университет), 2015. — 145 с.
8. Государственный долг субъектов Российской Федерации и муниципальных образований / Минфин России: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/sub_debt/?id_65=129701-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy (дата обращения: 14.08.2021).
9. Современные проблемы организации публичной власти: коллективная монография / отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.

Yakovlev-Chernyshev V. A.

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi*

Academic Supervisor: Andreev G. V.,

Lecturer of the Department of Constitutional and International Law

PROBLEMS AND PROSPECTS OF FEDERALISM IN MODERN RUSSIA

This article examines the main problems of modern Russian federalism and substantiates the thesis that, despite strong centralist tendencies due to the combination of the influence of historical and geopolitical factors, in the future there will be a further formation of federalism, taking into account the identity of Russia.

Key words: federalism; Russian statehood; unitarianism; centralism; budgetary federalism.

Порядок предоставления материалов для публикации в журнале «СВШ»

Статья направляется в редакцию издания по электронной почте самим автором или уполномоченным автором (в случае коллективного авторства статьи).

Адрес электронной почты редакции: sputnik-nauki@yandex.ru.

Плата за опубликование статьи в журнале с авторов не взимается, кроме случаев, когда автору необходимо оказание дополнительных редакционно-издательских услуг.

Перечень платных услуг редакции см. на обороте этой страницы.

Подробные рекомендации по оформлению направляемой статьи — см. на сайте издания, в разделе «Авторам»: <https://sputnik-nauki.ru/avtoram>.

В комплект файлов заявки входят:

- файл авторской анкетной формы;
- файл статьи;
- файлы иллюстраций (при наличии): схемы, фотографий, таблиц — допустимые форматы указаны в разделах «Оформление иллюстраций» и «Оформление таблиц»;
- файлы дополнительных шрифтов (при необходимости, если в тексте используется не только гарнитура Times New Roman).

Наименование файла статьи должно состоять из сочетания фамилии, инициалов автора (первого автора, если над статьей работал авторский коллектив) и указания жанра материала (статья, рецензия, обзор и пр.), разделенных знаком нижнего подчеркивания: «Петров А А статья.doc» или «Иванов И В рецензия.doc».

Материалы направляются в электронном виде в формате текстового редактора MS Word, TextMaker или OpenOffice (расширения doc, docx, odt или rtf).

Объем статьи не должен превышать 45 тыс. знаков (с пробелами) без учета сносок и иллюстраций.

Характеристики форматирования авторского текстового оригинала:

- шрифт — Times New Roman;
- размер бумаги — А4;
- ориентация листа — портретная;
- размер (кегель) шрифта текста статьи — 14 пунктов;
- междустрочный интервал — полуторный;
- поля страницы — 2 см по периметру (одинаковые по всем четырем сторонам).
- выравнивание текста статьи выполняется по ширине (по формату);
- абзацный отступ — 1 см (исключая заголовки, формулы и иной текст, выровненный по центру листа);
- страницы должны быть пронумерованы (колонцифра располагается в нижнем поле страницы, по центру).
- в случае использования в тексте публикации символов из других шрифтовых гарнитур (не Times New Roman) файлы используемых нестандартных шрифтов (только ttf или otf) следует приложить к оригиналу статьи.

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакционной коллегии:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Регистрационный номер: Эл № ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

Выходит ежеквартально.

Главный редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».

Сдано в набор 20.08.2021. Подписано в печать 06.09.2021. Формат 64x80/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 12,2. Тираж 200 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций